

КОБО
АБЭ

*Вошедшие
в ковчег*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Кобо Абэ

Вошедшие в ковчег

«Азбука-Аттикус»

1964

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Вошедшие в ковчег / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус»,
1964 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-23304-1

Кобо Абэ – один из самых блистательных писателей Японии, звезда послевоенного японского авангарда; по оценке другого известного японского автора Кэндзабуро Оэ, он – крупнейший писатель за всю историю литературы. Книги Кобо Абэ читают по всему миру, по ним снимают фильмы и ставят спектакли. Продолжатель традиций Достоевского, Эдгара Аллана По, Франца Кафки и Альберто Моравиа, предтеча Харуки Мураками, в каждом своем романе он творит сюрреалистическую реальность, которая перестраивает читательскую картину мира, искажает – или проясняет – читательские призмы восприятия и всякий раз совершенно ошеломляет. Его роман «Вошедшие в ковчег» – гротескная история о людях в преддверии апокалиптической катастрофы, о паранойе и одиночестве, надежде на спасение и невозможности спастись.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-23304-1

© Кобо Абэ, 1964
© Азбука-Аттикус, 1964

Содержание

1	6
2	10
3	17
4	23
5	29
6	36
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кобо Абэ

Вошедшие в ковчег

Kobo Abe

NAKOBUNE SAKURAMARU

Copyright © 1964 by Kobo Abe

Russian translation rights arranged with the estate of Kobo Abe through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

All rights reserved

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 1998

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

«Вошедшие в ковчег» — роман абсолютно сновидческий: в пересказе выходит крайне маловероятная притча, но едва очутишься внутри, все дьявольски правдоподобно.

The New York Times

Проза Кобо Абэ причудлива и неотразима. Она затягивает и вызывает зависимость... Абэ – непревзойденный стилист.

Дэвид Митчелл

1

Мое прозвище Свинья или Крот

Раз в месяц я отправляюсь за покупками на улицу, где находится префектуральное управление. Поездка туда на машине занимает не меньше часа, но мне бывают нужны такие вещи, как водопроводные краны, сменные ножи для электрического инструмента, крупногабаритные элементы питания, а достать все это в своем районе я не могу. Кроме того, не хочется встречаться со знакомыми. Ведь за мной по пятам следуют прилипшие ко мне прозвища.

Их два – Свинья и Крот. Мой рост – сто семьдесят сантиметров, вес – девяносто восемь килограммов, плечи покатые, руки и ноги короткие. Чтобы уродство фигуры не бросалось в глаза, я как-то попробовал надеть длинный черный плащ. Но мои надежды развеялись в прах, когда я оказался у недавно выстроенного здания муниципалитета, выходящего на широкую привокзальную улицу. Здание представляло собой черный каркас, покрытый черным стеклом, и было похоже на черное зеркало; идя со станции, я неизбежно должен был проходить мимо него. Мое отражение в стекле напоминало заблудившегося китенка или выброшенный на помойку старый мяч для регби. Смотреть, как в этом зеркале искажается улица, было занятно, но сам я выглядел убого. К тому же с наступлением жары складку на моем двойном подбородке заливал пот, и легко появляется опрелость. От этого я плохо сплю – подбородок не остудить о каменную стену, как это можно сделать со ступнями или лбом. Так что в жару и плащом не воспользуешься. С каждым разом становится все труднее заставить себя выйти из дому.

Если меня называют по прозвищу, то Свинье я все же предпочитаю Крота. Это не так обидно и точнее передает мою сущность. Вот уже три года я живу в норе. Я называю ее норой, но это не крохотное обиталище крота. Речь идет о заброшенной каменоломне, состоящей из пересекающихся под прямым углом разрезов, где раньше добывали строительный камень. В каменоломне более семидесяти помещений, начиная с огромных залов величиной с крытый стадион и кончая небольшими выработками, оставшимися после разведочной добычи, которые идут в разных уровнях и направлениях и связаны между собой лестницами и ходами, – настоящий подземный город, где могут разместиться тысячи людей. Разумеется, в этом городе не проложены водопроводные трубы и линии электропередач. Нет в нем ни магазинов, ни полицейских постов, ни почтовых отделений, нет и жителей – лишь я один. Так что я, в общем, не возражаю, чтобы меня звали Кротом, – пока не придумали что-нибудь получше.

Я взял за правило, отправляясь в город, обязательно брать с собой две вещи: ключи от входа в каменоломню и карточки размером с визитную, на обороте которых начерчен план, как добраться до моего убежища. А на лицевой стороне значится: «Билет на корабль. Сертификат на право выжить». В конце прошлого года я изготовил тридцать пять кожаных футляров и вложил в каждый по ключу и карточке. Обычно я кладу в карман брюк три штуки. Чтобы не упустить случая пригласить на корабль достойного человека, если такого встречу. За последние полгода мне ни один не попался, хотя я старательно ищу.

Подготовка к отплытию в основном завершена, и теперь наступил этап, когда без помощи экипажа уже не обойтись. Набор команды стал делом первостепенной важности. Но я не собираюсь раскрывать объятия первым встречным. Ведь в качестве вознаграждения экипаж получает жизнь, цену которой невозможно перевести на деньги. Я не сомневаюсь, что от претендентов отбоя не будет. Проблема видится мне в другом – как избежать давки, когда нахлынут желающие. Возможно, это просто предлог не выходить наружу, но меня не оставляет предчувствие: даже если я и не буду особенно стараться, разыскивая настоящих товарищей, они сами придут ко мне без всякого зова. И тем не менее хотя бы раз в месяц, даже если мне ничего

не нужно покупать, я считаю своим долгом выезжать в город, чтобы потолкаться среди людей, присмотреться к ним.

Обычно я использую автостоянку около городского парка. Она открытая, недорогая и всегда полупустая. Но сегодня я решил оставить машину в подземном гараже привокзального универмага. Меня привлекло оригинальное объявление, свисавшее с крыши магазина: «Торговля невиданными товарами. Выставка-распродажа фамильных ценностей». Меня заинтересовало слово «невиданными», и, кроме того, интересно было взглянуть на людей, которые соберутся здесь. Я вошел в универмаг. Диктор, приглашающий покупателей, без конца повторял, что в распродаже, устроенной на крыше, участвуют непрофессионалы, каждый продает принадлежащие ему диковинные предметы. Видимо, любопытство охватило не одного меня – почти все поднимались до самого верха. Я вышел из лифта; открытые лотки – их было больше сотни – выстроились рядами, образовав своеобразный лабиринт. И в этом лабиринте одни чуть ли не бегом метались от прилавка к прилавку, другие еле передвигали ноги – невообразимая толчея еще больше усугубляла духоту, какая обычно бывает в конце дня.

Держатель для ключей «птичий коготь».

Оставшиеся в наследство от отца машинка для набивания папиросных гильз и допотопная зажигалка с фитилем.

«Медвежья подтирка». Нечто, напоминающее высушенные морские водоросли. (Видимо, один из видов омелы, но даже сам продавец не знал толком, на что она может пригодиться.)

Картонная коробка, набитая пружинами и колесиками.

Около сотни лошадиных зубов.

Точилка для бамбуковых граммофонных игл.

Две круглые лепешки китовых экскрементов диаметром тридцать сантиметров.

Стеклянные гвозди.

Мазь из Сингапура для смазывания хобота слона при простудах.

Окровавленные сигнальные флажки, которыми пользовались (якобы) во время сражения в Японском море.

Кольцо (безразмерное) с пластмассовой шариковой ручкой.

Аппарат с микропроцессором для нормализации сна, прикрепляемый к щиколотке и стимулирующий пульс.

И тут я увидел юпкетчера.

Примерно в середине лабиринта находился лоток, на котором были выставлены насекомые. Видимо, продавец рассчитывал на летние задания школьников, но среди насекомых не было ни бабочек, ни огромных жуков-носорогов, которые могли бы порадовать детишек, – в центре прилавка лежало несколько десятков небольших коробок, величиной с сигаретную. Сделанные из пластика, они казались пустыми. На этикетках из фольги было напечатано: «Юпкетчер», а чуть ниже, в скобках, добавлено по-японски: «Жук-часы».

Коробки казались пустыми потому, что насекомые были слишком маленькими для них. Они ползали в какой-то шелухе и выглядели ничтожными козявками, которые и названия-то не заслуживают. Столь же непримечательным был и продавец. Мрачный человек в очках, стекла толстые, похожи на донышки бутылок, и лишь форма его черепа привлекала внимание. Возле него уже стояли покупатели. Двое – мужчина и женщина – вертели в руках коробки, разглядывали содержимое и внимательно слушали объяснения продавца. Заинтересовавшись, я остановился. В долетевшем до меня слове «юпкетчер» чувствовалось нечто надежное, притягательной силой обладало и название «жук-часы».

На эпитямском языке «юпкетчер», как объяснял продавец, означает не только название насекомого, но и слово «часы». Длина жучка полтора сантиметра, он принадлежит к семейству пластинчатоусых, тело черное, с коричневыми полосками. Других особых примет не имеет, разве что отсутствие лапок. Они атрофировались, так как насекомое, питаясь собственными экскрементами, избавлено от необходимости передвигаться. На первый взгляд может показаться сомнительным, что едой юпкетчера служат экскременты, представляющие собой отходы уже переработанной организмом пищи, но дело в том, что поглощение идет чрезвычайно медленно. И за это время размножившиеся бактерии успевают превратить экскременты в питательные вещества. Опираясь на круглое брюшко, напоминающее формой днище корабля, юпкетчер с помощью длинных крепких усиков беспрерывно поворачивается влево, ест и одновременно испражняется. Экскременты образуют точное полукружие. Начиная есть с рассветом, насекомое завершает еду с заходом солнца и засыпает. Голова юпкетчера всегда обращена к солнцу, его можно использовать как часы.

В прошлом местные жители не пользовались механическими часами. Им было трудно привыкнуть к движению времени вправо, а вращение стрелок, разбивающих день на равные доли вне зависимости от положения солнца, казалось им слишком уж примитивным и не внушающим доверия; даже теперь обычные часы они называют «юпкену», то есть «неюпкетчер», чтобы отличать их от настоящего юпкетчера.

Видимо, юпкетчер, помимо практического применения, обладает еще чем-то, что привлекает к нему людей. Наверное, почти полностью замкнутая экологическая система успокаивает страдавшие сердца. Постояльцы единственной на острове гостиницы «Юпкетчер», обнаружив у стены дома или между камнями, которыми вымощен двор, юпкетчеров (такой сервис – изобретение хозяина), замирают как вкопанные. Сохранилось даже предание о человеке, занимавшемся часовым бизнесом (существует две версии: по одной – это был рекламный агент-японец, по другой – владелец часового завода из Швейцарии), который, вооружившись лупой, изо дня в день рассматривал юпкетчеров, и дело кончилось тем, что он, рехнувшись, набил рот собственными испражнениями и умер. Разумеется, эта история выдумана для привлечения постояльцев, но мне захотелось поверить в нее.

Местные жители не так уж увлечены своими юпкетчерами. Когда наступает сезон дождей и туристы покидают остров, способность бактерий восстанавливать питательность испражнений начинает снижаться и движение времени замедляется. А раз в год, в период спаривания, юпкетчеры, служащие стрелками очерченных экскрементами циферблатов, взлетают с них в воздух, и время вовсе умирает. Оплодотворенные самки, махая перепончатыми крылышками, точно состоящими из мыльных пузырьков, неловко летают над самой землей и, выискивая остатки старых испражнений, откладывают в них яйца. Так замыкается экологическая цепь, и время становится невидимым.

Однако нельзя думать, что жители острова вообще отвергают время как таковое. Они понимают, что рано или поздно оно возродится.

Так я узнал, что существует насекомое, очень похожее на меня. Можно было предположить, что продавец издевается надо мной. Но ведь он видел меня впервые.

– Гляди-ка, такие козявки, а сердитые.

Мужчина-покупатель причмокивал языком, точно во рту у него была сушеная слива. Слюны полон рот. Спутница смотрела на него снизу вверх и, казалось, сосала леденец. Я подумал, что у нее, наверное, наоборот, часто сохнет во рту.

– Давай купим одного. Смотри, какой хорошенький.

Приятная, светлая улыбка – когда она улыбнулась, уголки рта чуть запали. Мужчина гордо вскинул подбородок и театральным жестом вытащил бумажник. Я тоже сразу же решил купить. В этом жучке я почувствовал что-то родное, словно вдохнул запах собственного пота. Если бы меня самого накололи на булавку, я бы превратился в весьма выразительный экспонат,

не хуже юпкетчера. Двадцать тысяч – сразу и не сообразишь, дорого это или дешево, но у меня возникла уверенность: я обнаружил то, что давно разыскивал.

Юпкетчер лежал в коробке из прозрачного пластика, висевшей на двух натянутых крест-накрест нейлоновых нитках. Видимо, это сделали специально, чтобы жучка можно было рассмотреть со всех сторон. Если бы не остатки атрофированных конечностей, юпкетчера невозможно было бы отличить от обычного майского жука, которому оторвали лапки.

Вслед за мужчиной и женщиной я тоже заплатил и получил коробку, которую продавец сыпал сверху и снизу порошком, поглощающим влагу. Положив покупку в карман, я испытал такое блаженство, словно надел комнатные туфли.

– Интересно, сколько вы сегодня продали?

Возможно, мой вопрос показался продавцу бестактным, во всяком случае, он ничего не ответил. Толстые линзы мешали увидеть выражение его глаз. То ли он действительно не расслышал, то ли сделал вид. Ветер разносил громкую бравурную музыку.

– Не знаю, существует ли на самом деле остров Эпитям, вернусь домой, сразу же загляну в атлас... Может, вы меня просто разыграли.

На эти слова тоже ответа не последовало. Если розыгрыш, то очень уж ловок, ничего не скажешь. Я решил не задавать новых вопросов.

2

Можно нарисовать юпкетчера и сделать его символом нашей группы

В глубине торговых рядов было оборудовано место для отдыха – небольшое возвышение под тентом. Когда здесь устраивались концерты на открытом воздухе, оно, видимо, служило сценой. Рядом с прилавком, где можно было купить кофе гляссе и гамбургеры, торговали сладкой бобовой пастой со струганым льдом. Я заказал одну порцию. Сквозь сетку, ограждавшую крышу, пыльные ряды домов внизу казались обрывками старой рыбацкой сети. Вот-вот начнется дождь – вершины далеких гор заволокло темными тучами. Шум тысяч автомобильных моторов таял высоко в небе и, смешавшись с музыкой, несшейся из универсама, задышался, как усталое лягушачье кваканье.

Плошка со льдом приятно холодила ладони. Все больше покупателей направлялось к выходу, но почти все места в закуской были заняты. Я увидел свободный стул у столика, за которым сидел студент в темно-синей спортивной майке с напечатанными на ней белой краской буквами РО-РО-РО (я определил, что он студент, по длинным волосам, закрывавшим тонкую шею, и налитым кровью сердитым глазам). Он сидел, склонившись к миске с китайской лапшой, я попросил разрешения подсесть. Студент отправил в рот ложку лапши с горошинами льда и так резко поднял голову, что захрустели позвонки. Видимо, мой пристальный взгляд ему не понравился. Оценивающе смотреть на людей – дурная привычка, появившаяся у меня с тех пор, как я стал носить с собой «билеты на корабль». Я ведь для того и покидаю раз в месяц свое убежище, чтобы с предельной осмотрительностью подбирать нужных мне людей.

– Откопали какую-нибудь диковину?

– Какое там. – Затолкав в рот свисавшие с губ лапшинки, студент продолжал со злостью: – Все, что здесь выставлено, только и годится, чтобы детей дурачить.

– Юпкетчер тоже?

– Что?

– Юпкетчер...

Я достал из кармана прозрачную коробку и показал ему.

– Насекомое. Левый лоток примерно в середине второго прохода от конца. Не обратили внимания?

– Какое-то особое насекомое, что ли?

– Один из видов пластинчатоусых. Лапки атрофировались, он все время вращается на одном месте, как стрелка часов, и питается собственными экскрементами.

– Ну и что?

– Разве не занятно?

– Ничего особенного.

Не подходит.

Юпкетчер представляется мне символом, отражающим некую философию или, по крайней мере, идею. Перемещение по кругу не может рассматриваться как истинное движение. Важно, что при этом сохраняется внутренний покой. Вот почему можно будет нарисовать юпкетчера и сделать его символом нашей группы. Изобразить жучка лучше не со стороны брюшка, а со спинки. Брюшко все в бороздках, как у сушеного кузнечика. А спинка представляет собой два эллипса и легко сойдет за эмблему. Неплохо, если она будет похожа на марку BMW. BMW – самый лучший в мире автомобиль по своим техническим характеристикам. Место, где я помещу юпкетчера, тоже определено – одна из полок над унитазом, сидя на котором я обычно работаю. На этой полке лежат все вещи, предназначенные для моих путешествий.

Я усмехнулся. Приравнять юпкетчера к вещам, необходимым в путешествии, – от этой мысли даже настроение улучшилось.

Студент встал и ушел с недовольным видом. Я не собирался его удерживать. Одна его бесстрастная манера есть лапшу ясно говорила о том, что он недостаточно серьезно смотрит на жизнь. В дальнейшем отношение к юпкетчеру, пожалуй, сможет послужить своего рода тестом при отборе кандидатов в члены экипажа. Отсутствие хотя бы самого незначительного интереса к насекомому, напоминающему стрелку компаса, которая вращается, очерчивая окружность, именуемую земным шаром, явится свидетельством недостаточной остроты восприятия.

Но зато к тем двоим, купившим юпкетчера до меня, я все еще испытывал теплое чувство. Куда, интересно, они ушли? Именно их следовало бы подвергнуть экзамену на пригодность. Всегда-то я опаздываю. Правда, о том, что объектом проверки не стал мужчина, особенно жалеть не стоит. Какой-то он беспокойный, точно в голове у него скачет шарик от пинг-понга. Вряд ли такой выдержит «кротовью жизнь». А вот женщина – другое дело. Испытать ее в качестве кандидата, безусловно, стоило бы. Ведь именно она захотела купить юпкетчера. Первый член команды – женщина. Хорошее предзнаменование. Охлаждая горошинками льда рот, я с сожалением думал об упущенной возможности. Почему я сразу же не заговорил с ними? Теперь между нами уже могла бы возникнуть духовная близость. Вопрос – в каких они отношениях. Муж и жена? Возможно, и нет. Если они муж и жена или что-то вроде этого, особых надежд питать не стоит. Юпкетчер принадлежит миру одиноких, тех, кто разговаривает сам с собой. Женатые пары такой товар не покупают. Правда, супругов, напоминающих чужих друг другу, больше, чем посторонних людей, похожих на супругов.

Надо идти. Облагодетельствованный приобретением юпкетчера, я ничего больше не желал. В такой ветреный день спускаться в темноте на машине к уходящему в море скалистому мысу не рекомендуется. От соленых брызг автомобиль быстро начинает ржаветь.

К освободившемуся после ухода студента стулу подошел человек. Огромная голова, очки в массивной оправе, землистый цвет лица... Продавец насекомых. Он развернул пакет с бутербродами, пододвинул стул. На меня – никакого внимания.

Свободных мест мало, поэтому появление его именно за моим столиком не такая уж невероятная случайность. Он старательно жевал свернутые трубочкой ломтики хлеба, запивая их кофе из бумажного стаканчика.

– Устроили себе перерыв?

Продавец насекомых перестал жевать и глянул на меня исподлобья:

– Вы это мне?

– Не помните меня? Я у вас только что купил юпкетчера.

В течение нескольких секунд он, не раскрывая рта, пристально смотрел на меня через очки с толстыми, чуть ли не пуленепробиваемыми стеклами. Он как будто чего-то опасался. Может быть, того, что я Свинья? Полноту обычно связывают с тупостью. Люди противоположного пола тебя сторонятся, а того же – просто игнорируют. Полнота мешает даже при устройстве на работу. Диспропорция масс тела и мозга вызывает ассоциацию с китом или динозавром. Да и я терпеть не могу жирных и не люблю разговаривать с ними, хотя сам такой.

– Он вам не по вкусу, что ли? – настороженно спросил продавец.

Не могу сказать, что я полностью поверил его рассказу о юпкетчере. Но мне не хотелось разочаровываться, поэтому я не желал выслушивать никаких признаний и поспешил сказать:

– Ничего подобного, наоборот, он мне понравился. Заставляет над многим задуматься. Правда... Вы сами их собирали? Сейчас, когда разрушается окружающая среда, насекомые постепенно исчезают. Я слышал, что есть люди, которые специально занимаются их разведением.

– Есть. Действительно, находятся прямо-таки фокусники, которые разводят насекомых не просто давая им корм, но и с помощью клея и пинцета.

– Сколько всего вы их продали? – Лучше перевести разговор на более безопасную тему.
– Одного.
– Да бросьте вы.
– Если хотите вернуть, пожалуйста.
– Зачем?
– Я же вижу, что вы недовольны.
– Но, кажется, передо мной еще кто-то покупал?
– Нет, никто.
– Да покупали же. Помните, двое...
– Я вижу, вы простак. Это же подставные покупатели, обыкновенные зазывалы.
– На зазывал они не похожи.
– У них с универмагом что-то вроде соглашения, так что они не просто жулики. А бабенка ничего, верно? С такой в паре нетрудно обвести покупателя вокруг пальца.
– Наверное, – согласился я.
– Да, бабенка что надо. И прохода, каких мало...
– Я как-то в газете видел новейшую классификацию по типам, всего их насчитывается пять: мать, хозяйка, жена, женщина, личность... Как вы думаете, к какому типу принадлежит эта?

– Меня классификации не интересуют.
– Однако эта классификация – результат специальных исследований телеграфно-телефонной компании. Метод разработан на основе анализа рынка и вполне заслуживает доверия.
– Вы действительно в это верите?

Над самыми нашими головами пролетела стайка воробьев. И, словно гонясь за ними, крышу обволокли дождевые тучи. Навесы над лотками затрепетали на ветру, покупатели уже готовы были бежать. Некоторые продавцы стали сворачивать торговлю. То ли распродали свой товар, то ли потеряли надежду, что его купят.

– Вам, пожалуй, лучше вернуться к себе. Того и гляди, дождь пойдет.
– А я уже закончил торговлю.

Продавец насекомых наколот на вилку тонкие ломтики ветчины и помидора и улыбнулся. Открытая детская улыбка очень шла ему.

– Не нужно терять надежды. Товар, о котором можно только мечтать. Вдруг продадите еще парочку.
– Странный вы человек, что это за торговля?..

Продавец насекомых погладил голову мохнатыми пальцами. Растрепанные волосы точно прилипли к коже, и стало еще заметнее, какой у него непомерно большой череп.

К лотку, расположенному рядом с закусочной, подошел покупатель. Здесь продавался универсальный вибратор. Это устройство имело форму эллипса и было оснащено объемными насадками, как у электродрели. В том числе чесалкой для спины, зубной щеткой, губкой для лица, массажной щеткой для волос, резиновыми шариками для растирания плеч, маленьким молоточком. В самом деле – полезное изобретение. Но не было в нем очарования мечты. На лотке выставили лишь образец – следовало заплатить наличными десять процентов стоимости и оставить заказ с указанием адреса и фамилии, в течение недели покупка доставлялась на дом – условия несколько подозрительные. Непонятно, на что здесь могли клюнуть покупатели.

– Противоположность мечты – прагматизм, – кивнул я на соседний лоток.

– Это мошенничество на дилетантском уровне. Но слишком несуразные предметы для торговли тоже не годятся. Лучше всего подбирать бытовые, и в первую очередь – кухонные. Но когда дело идет бойко, сразу появляются конкуренты. Поэтому любые повторения недопустимы. В одном месте единожды – вот главный принцип. И пока выдумаешь что-то новое, носишься из города в город, как перелетная птица, – с души воротит.

- А с юпкетчером повторяться можно?
- Вы считаете, что я вас обманул?
- Не имеет значения, вы ешьте, ешьте. Что у вас было на завтрак?
- Какое вам дело?
- А я ем по утрам сладкий картофель и оладьи. Оладьи сам жарю.
- Мне такой завтрак противопоказан.
- Скорее уж мне.
- Я уже лет десять вообще не завтракаю...
- Что это, гром?
- Какая разница!

Он вгрызся в бутерброд, словно в само людское коварство. Вполне резонно, подумал я. Я бы на его месте был настроен точно так же.

- Могу забрать у вас остальных юпкетчеров. Если, конечно, их не больше пяти-шести.
- Зачем? – Продавец насекомых отправил в рот остаток бутерброда. – Что-то я вас не пойму, что вы замыслили?

– Нам, толстякам, скупость несвойственна.

– Полнота и характер не связаны между собой. – Он перестал жевать и мрачно продолжил: – Человек полнеет от накопления в организме черного жира в подкожном слое толщиной в несколько сантиметров.

- Вы, я вижу, специалист.
- Пересказываю то, что вычитал в газете.
- Собираетесь еще где-нибудь торговать оставшимися юпкетчерами?
- Натерпелся я с этими насекомыми.
- Не выбрасывать же их.
- Можно было бы натолочь их и продавать под видом лекарства, но для этого проще взять обычный древесный уголь. И коробки сохраняются, а они стоят недешево.
- В таком случае уступите юпкетчеров. Не хотите за них билет на корабль? Чем бросать просто так, лучше обменять, никакого убытка не будет.

Время показать билет на корабль, пожалуй, еще не настало, тут же подумал я. И поэтому, проговорившись, заерзал на стуле, словно под меня подложили ледышку. Я, кажется, зашел слишком далеко, стремясь защитить жучка. Ведь нападать на юпкетчера значило ставить под сомнение мою проницательность. Мне казалось, что жук-часы может подсказать способ спасти людей от враждебности и недоверия друг к другу. Например, у человекообразных обезьян, имеющих много общего с человеком и его предками, наблюдаются две тенденции. Тенденция к экспансии – социализации путем объединения – и тенденция к фиксации – созданию крепости путем замыкания в определенной жизненной сфере. Вот и человек испытывает влияние обеих этих взаимоисключаемых тенденций. Благодаря им люди, с одной стороны, смогли распространяться по земле, приспосабливаясь к новым условиям лучше всяких мышей и тараканов, а с другой – приобрели талант ненависти, позволяющий им убивать друг друга. Этот обоюдоострый меч оказался слишком тяжелым для человека, покорителя природы. В политике люди встали на кровавый путь, словно пытаясь вспороть брюшко крохотной рыбешки мощной электрической пилой. Если бы мы, как юпкетчеры...

- Что вы даете взамен?
- Билет на корабль.
- Вы прямо как опросчик. – Продавец насекомых допил остатки кофе и внимательно посмотрел на меня через толстые стекла очков. – Вам еще нужно поучиться, чтобы обходить конкурентов.
- Опросчик?..

– Не знаете, что это за люди? Не знаете, по лицу вижу. Они обычно стоят на перекрестках с бумагой и шариковой ручкой.

– Видел таких, чем же они занимаются?

– «Вы, наверное, уже обдумали план летнего путешествия?..» – так они обычно начинают, а кончают тем, что выманивают деньги якобы в качестве вступительного взноса в туристское общество на весьма льготных условиях.

– Ошибаетесь. – Хоть я и колебался, но теперь уже не мог не достать заветные предметы из кожаного футляра. – Смотрите, ключ и билет на корабль. Сертификат на право выжить.

Кто-то сзади дотронулся до моего плеча. Я ощутил приторный запах напомаженных волос.

– Прекратите! Незаконная торговля. Вы обязаны оплатить место и только после этого можете начинать продажу.

Около меня стоял, злобно сверкая глазами, мужчина, причесанный на косой пробор. Могучие плечи и значок на лацкане пиджака указывали на то, что он служит в охране универсама.

– Я никакой торговлей не занимаюсь.

– Пройдемте со мной. Дадите объяснения в конторе.

Со всех сторон на меня устремились взгляды. Стена любопытных в ожидании представления. Тип со злыми глазами схватил меня за руку. Он с такой силой сжал мне пальцы, что запястье стало затекать. Знает, как нужно обращаться с подобными людьми. Я взглядом запросил помощи у продавца насекомых. Замолви он хоть словечко, все бы обошлось. Но он сидел потупившись и искал что-то в карманах. Да, по одному разговору человека не определишь. Это мне послужит уроком на будущее. Нельзя допустить, чтобы по неосмотрительности у меня из рук уплыл сертификат.

Делать нечего, я поднялся со стула. Неожиданно охранник отпустил мои пальцы. Продавец насекомых протянул ему правую руку. В ней была зажата светло-коричневая карточка.

– Разрешение. Третий ряд, восемнадцатое место.

– Не пойдет, не пойдет, торговали не вы, а этот человек.

– Он мой компаньон. В соглашении, насколько мне помнится, не содержится пункта, гласящего, что торговать может только тот, на чье имя выдано разрешение.

– Ну что ж, может быть... – заколебался охранник.

– Ничего не поделаешь, пойдем вместе в контору.

– Не нужно. Я выяснил обстоятельства дела, так что все в порядке.

– Нет, так не годится. Вы опозорили меня перед людьми, и я хочу, чтоб инцидент был улажен по всем правилам, – продолжал напирать продавец.

– Извините. Но дело в том, что мы обычно просим воздерживаться от заключения сделок в неустановленном месте.

– Понимаю. Благодарю вас.

Злобный тип извинительно сложил ладони и, быстро пятясь назад, исчез. Я обдумал случившееся. Мне стало стыдно, что я в какой-то момент усомнился в продавце насекомых.

– Спасибо, что выручили.

– Среди них много бывших полицейских. Из кожи вон лезут, стремясь выслужиться.

– Все же возьмите. – Я протянул билет на корабль. – Конечно, этот футляр не так красив, как коробка для юкетчера, но зато кожа натуральная, работа ручная.

– Футляр-то прекрасный, а вдруг внутри какая-нибудь дрянь. Скажите честно.

– Ну что вы! Там сертификат на право выжить. Откройте и посмотрите.

– Выжить после чего?

– После катастрофы, разве непонятно?

– Какой катастрофы?

- Вы не считаете, что мы на пороге катастрофы? Природа, человек, земной шар, мир.
- Считаю. Считаю, конечно, но не представляю себе, что тут можно сделать.
- Пойдемте. Я вам все покажу.

Я поднялся, но продавец насекомых продолжал сидеть, даже не собираясь брать футляр с билетом на корабль.

– Терпеть не могу все, что именуется «общественным движением». Я из тех, кто думает: пусть все идет как идет.

– А я и не призываю вас заботиться о других. Сертификат предназначен для вас лично.

– Нет, пожалуй, воздержусь. Я не тот человек, который ради того, чтобы выжить, пойдет по трупам. Непомерное вождение – тяжкий грех.

Разумный ответ. Попал в самое больное место.

– Неужели непонятно, ведь я предлагаю билет в обмен на оставшихся юпкетчеров.

– Поговорим об этом позже, не будем спешить.

– Вы не отдаете себе отчета в том, что нас ждет. Катастрофа надвигается, она вот-вот разразится. Вы газеты читаете?

– Что значит «вот-вот»?

– Возможно, даже завтра – я бы не удивился.

– Значит, не сегодня, а завтра?

– Я говорю условно. Может быть, в следующее же мгновение. Во всяком случае, она надвигается.

– Держу пари.

– Какое?

– Наступит ли через десять секунд, – он положил палец на кнопку секундомера своих часов, – катастрофа, как вы утверждаете. Ставлю десять тысяч, что не наступит.

– Я ведь говорил только о подобной возможности.

– Могу продлить до двадцати секунд.

– В обоих случаях пятьдесят на пятьдесят – возможно и то и другое.

– Будем ли мы спорить, что пройдет двадцать минут, что пройдет два часа, что пройдет два дня, что пройдет два месяца, что пройдет два года, – все равно вероятность та же – пятьдесят на пятьдесят.

– Без пари вам неинтересно?

– Не придирайтесь, вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать. Представим себе, что катастрофа разразится через двадцать секунд. Тогда выигрыш ни к чему, на том свете деньги не понадобятся. Только, если ничего не случится, тот, кто на это ставил, положит в карман денежки. Так что в любом случае пари не будет иметь никакого смысла.

– Что же тогда мешает вам взять билет на корабль?

– Надоели мне ваши разговоры.

– Почему?

– Я не люблю людей, торгующих концом света.

Хочешь подышать – подыхай. Такая огромная голова, а набита гнилыми бобами. Наверное, и юпкетчера я напрасно у него купил.

– Пожалее, но будет уже поздно.

– Схожу-ка я в уборную.

– Вам и вправду не нужен билет на корабль?

Продавец насекомых поднялся со стула. Я не мог допустить, чтобы столь ценные для меня билеты служили поводом для насмешек. Но тут он протянул руку, ловко схватил футляр и поправил сползающие с носа очки, лицо его расплылось в улыбке. То ли хотел помириться, то ли издевался надо мной – не поймешь.

– Подождите у моего лотка, я быстро вернусь.

- А вдруг не вернетесь, плакал тогда мой билет.
- У меня там остался товар.
- Юпкетчеры, которых вы собираетесь выбросить? Разве могут они служить залогом?

Продавец насекомых снял с руки часы и положил их на то место, где до этого лежал футляр.

- Хронометр марки «Сейко» новейшей модели. Боюсь, вы сами сбежите с ним.

3

Зазывалы похищают сертификат на право выжить и скрываются

Лоток продавца насекомых был закрыт. Видимо, у него в самом деле пропало желание торговать. Над соседним лотком слева (не помню, что там продавали) тоже сняли вывеску. Небо все еще было обложено тучами, в любую минуту мог начаться дождь, да и универмаг скоро закрывался, часы показывали двадцать минут седьмого. Зайдя за прилавок, я обнаружил лежавший на стуле большой чемодан. Наверное, в нем были юпкетчеры. Я не люблю, когда на меня смотрят посторонние, поэтому скрючился и присел на корточки. Напрасная предосторожность. Редкие покупатели суетливо бежали к выходу, как мелкие крабы на побережье, не захваченные отливом.

Часы продавца насекомых я переложил из заднего кармана брюк в нагрудный. Настроение испортилось. И не только от погоды. Неужели я раскаиваюсь, что отдал билет на корабль продавцу насекомых, думал я. Не успел объявиться товарищ, о котором я столько мечтал, тут же иду на попятный. Отвратительная манера. Нужно обдумать все как следует. Человек он совсем неплохой. Не очень-то приветливый, но это даже лучше, чем если бы он оказался болтуном. Да и не всякий способен открыть юпкетчера. Наверное, голова у него варит гораздо лучше, чем это может показаться со стороны. И это замечательно – что хорошего, если бы первым моим товарищем стал совсем уж ординарный человек.

На всякий случай, как только он вернется из уборной, я скажу, что являюсь капитаном, и попрошу поставить подпись под обязательством немедленно покинуть корабль по первому же требованию, решил я. Тот самый корабль, который я открыл, придумал и построил. Команда, естественно, обязана безоговорочно повиноваться капитану. На подпись, конечно, можно и наплевать. Но тогда будет приведена в действие система принуждения. Вообще-то, она носит оборонительный характер и направлена против внешних врагов, но может быть использована и против ослушника – что делать, при совместной жизни необходима хотя бы минимальная дисциплина. Я не собираюсь добиваться слепого подчинения капитану – мне это ни к чему, – но нельзя допустить, чтобы корабль превратился в братскую могилу. Бывают обстоятельства, когда без решительных действий не обойтись. Но если не идти иногда на разумный компромисс, можно навсегда остаться в одиночестве. Ведь мой корабль не рассчитан на одного или двоих. Я планирую взять на борт триста восемьдесят пять человек. И если не хочу обресть судно на заведомую гибель еще до того, как будет поднят якорь, нужно обязательно добиться, чтобы продавец насекомых взошел на борт.

На лотке напротив, где торговали этикетками (коллекция состояла из нескольких тысяч спичечных этикеток и конфетных оберток), продавщица поспешно упаковывала товар. Явно раздосадованная вялой торговлей, она укладывала в саквояж планшеты, даже не утруждая себя тем, чтобы разобрать их. Ничего удивительного, что торговля у нее не шла. Хоть и непохожий на юпкетчеров, ее товар был тоже рассчитан на слишком уж тонкий вкус. Да и стоять за прилавком в желтых солнечных очках и в изысканнейшем кимоно женщине далеко не первой молодости было не к лицу. К тому же внизу прилавка красовалась сентиментальная надпись: «В память о покойном супруге», что приводило к прямо противоположному результату – покупатели буквально шарахались от лотка. Может быть, продавец насекомых действительно прав: непомерное вожеление – тяжкий грех.

Сосед справа пытался продать водяную пушку (не ружье, а именно пушку), примостившись у какой-то странной машины, стоявшей не на прилавке, а прямо на полу. Он молчал, подперев щеку рукой, за него разглагольствовал магнитофон. Сам продавец с укоризной поглядывал

вал на небо. Тучи поднялись еще выше и, кружась, неслись со скоростью вертолета. Дождь мог пройти и стороной. Но, по-моему, надежды, что водяная пушка продается, все равно не было. Во-первых, она слишком дорогая – десять миллионов иен. Возможно, продавец рассчитывал на будущее повышение цен, но уж слишком велико было несоответствие стоимости ее практической ценности. Если верить голосу, доносившемуся из магнитофона, при установлении цены исходили из количества дней, затраченных на изготовление пушки. Продавец, в прошлом служащий государственной железной дороги, использовал принцип паровоза. Он заявил патент на свое изобретение, который пока якобы находился в стадии рассмотрения, но даже мне, профану, казалось, что сила пара вряд ли может соперничать с силой взрывчатки. Если возникает необходимость в стреляющем на близкое расстояние оружии, которое не производило бы шума и не загрязняло бы окружающую среду, вполне можно использовать силу растяжения резины. Внешний вид пушки тоже не отличался привлекательностью. Из бесформенной печки торчал здоровенный орудийный ствол – ну точно мужской член. Посмеяться еще можно, но заплатить за нее даже сто иен и то было жалко.

Все продавцы, как и оповещала реклама универмага, были в самом деле дилетантами. А дилетантам, по-моему, нечего соваться в такие дела. Их товары, может быть, и вызывали любопытство, но в то же время нагоняли тоску. Слишком уж явно выпирала ничем не прикрытая корысть, а о том, какое впечатление они производят на покупателей, эти доморощенные торговцы нисколько не заботились. Люди согласны, чтобы их водили за нос, – только бы было интересно. Вот юпкетчер – совсем другое дело. Он порождение мастера.

В конце прохода появился мужчина. И вдруг замер, легко, как птица. Стояла страшная духота, как в ресторанной кухне, и одетая в строгий костюм фигура сразу бросалась в глаза. Хотя на лацкане пиджака не было видно значка, я сразу же догадался, что это тот самый охранник, который привязывался ко мне в закусочной. К чему он придерется теперь? Я не хотел, чтобы мне мешали. Он может воспользоваться тем, что лоток пуст. Я взял и выложил на прилавок два оставшихся билета на корабль. Покрашенный деревянный прилавок размером меньше циновки выглядел непомерно огромным для такого товара. Нечего трусить. Охранник бесстрастно прошел мимо. Лишь краем глаза скользнул по моим рукам, у него с подбородка капал пот. По моему лицу тоже бежали ручейки.

Что-то продавец насекомых задерживается. Чтобы сходить в уборную, столько времени не нужно. Может, у него неладно с почками?

У лотка остановились двое. Мужчина с короткой спортивной стрижкой, в черных брюках и белой рубашке с открытым воротом. На шее, похожей на толстенную колбасину, – золоченая цепочка. Женщина, будто со специально растрепанными волосами, лиловыми губами и в майке, на которой красовался яркий гавайский пейзаж. Не туда забрели. Я ведь только делаю вид, что торгую, а настоящего товара у меня нет. Уже открыв рот, чтобы сказать им об этом, я вдруг заметил, что это та самая женщина. Несомненно, одна из тех двух зазывал, которые купили (или сделали вид, что покупают) юпкетчера. Хотя у нее тогда была совсем другая прическа и одежда, по-другому накрашено лицо, я был уверен, что не обознался. Продавец насекомых без конца повторял, что она «бабенка что надо», и действительно, стоило ей лишь немного изменить свой облик, как она стала казаться и в самом деле необыкновенно привлекательной.

Однако уверенности, что мужчина тот же самый, у меня не было. Может быть, те его длинные волосы были просто париком? Если женщина могла изменить свой облик, то же доступно и ее спутнику. Но все равно, почему-то тот мужчина и этот казались разными людьми. Когда человек тебе не по душе, судишь о нем лишь по внешнему виду. К моему огорчению, он помолодел лет на десять, и они теперь выглядели вполне подходящей парой.

– Куда девался продавец козявок?

Мужчина водил рукой по прилавку. Будто хотел выяснить, не покрыт ли он пылью. Не зная, как реагировать на его слова, я сказал, запинаясь:

– В туалете, наверное...

– Что же он, совсем закончил торговлю или новый товар притащит?

Он быстро перебирал пальцами, точно работал на телетайпе, голос тусклый, сиплый. Чувствуя, что отвечать не нужно, я все же ответил:

– Закончил. Торговать, наверное, надоело.

– Почему? – Женщина склонила набок тонкую шею и с невинным видом протянула руку к билету на корабль. – Такие были хорошенькие жучки.

Если бы руку протянул мужчина, моя реакция была бы совсем иной. Но ее пальцы казались такими мягкими, словно без костей. Можно было не опасаться, что они помнут билет.

– Да, положеньице, мы ведь пришли за деньгами. Может, вы за него уплатите?

– Торговля у него совсем не шла.

– Быть этого не может. – Мужчина делал ударение на каждом слове. Скорее всего, это у него профессиональное. – Я собственными глазами видел, что товар брали, так что ошибки быть не может.

Женщина кивала в такт его словам. Взгляд напряженный. Всем своим видом она как бы подтверждала ценность юпкетчеров. Нет-нет, раз она помощница зазывалы, чистосердечием тут и не пахнет. Обычные штучки для привлечения покупателей. Но даже это не могло повлиять на мою симпатию к ней. Неприязнь к кошкам сводит на нет ластящийся котенок. В конце концов, шутливо болтая с ними, я помог им найти предлог, чтобы задержаться у прилавка.

– Вы меня не помните? – Мой подбородок утонул в прыщавой шее и тем самым еще сильнее подчеркнул полноту. – А я вас помню.

– Вспомнила. – Женщина захлопала в ладоши, глаза ее радостно заблестели. – Вы тот самый человек, который после нас купил юпкетчера, верно?

– Да. Это был единственный проданный юпкетчер.

– Чепуха. Посчитайте как следует. Мы же тоже купили одного, значит было продано самое меньшее два.

– Не морочьте голову, я все знаю.

– Что вы знаете?

– Каким делом вы занимаетесь.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Но в их смехе ощущалась и некоторая растерянность.

– Какое вы имеете отношение к продавцу козавок? – спросил мужчина.

– Никакого. Просто мне понравились юпкетчеры.

– Чудно. Поручить постороннему человеку сторожить лоток.

– Терпеть, когда нужно в уборную, – значит отравлять организм.

– Что это такое?

Женщина трясла возле уха футляром с билетом на корабль. В ее немного писклявом голосе чувствовалось напряжение. Уж не смущена ли тем, что мне известно ее ремесло?

– Что-то маленькое, наверное, книжный червь. – В хриплом голосе мужчины звучала издевка. Он дернул плечом и хрустнул пальцами. – Жуков этих чертовых ни за что не продашь, если они без рожек.

– Юпкетчеры без рожек.

– Вот они и не продаются.

– Нет, здесь что-то помассивнее – похоже, из металла.

Мужчина стремительно протянул руку к последнему футляру, все еще лежавшему на прилавке. Схватив, он сунул его в карман.

– Что же это за штука?

– Не продается.

– Посмотреть-то можно? – Женщина исподлобья глянула на меня.

– Есть у вас совесть? Не смейте открывать!

Женщина кончиками пальцев взяла футляр и вытряхнула содержимое на прилавок. Медный ключ с брелоком упал, зазвенев, а пластмассовая карточка медленно опускалась, кружась на ветру. Мужчина подхватил ее в воздухе, прихлопнув ладонями, как комара. Одновременно он отбросил в сторону мою протянутую руку и подался назад, озорно улыбаясь. Решил, видимо, побаловаться.

– О-о, билет на корабль. Сертификат на право выжить – какой глубокий смысл. Вербуете членов в какое-нибудь общество?

Подбрасывая на ладони ключ, женщина смотрела на карточку в руке мужчины.

– На обороте план.

Что ж это продавец насекомых так задерживается? Трудно представить, чтобы он столько времени торчал в уборной. Пять минут уже давно прошли. Может быть, он вообще не собирается возвращаться? Неужели я ему так противен, что он бежал от меня, даже бросив чемодан и часы? Как ни удивительно, у меня вдруг появился интерес к этой паре. Может, так оно и лучше, подумал я. И не потому, что не хотелось признавать свое поражение, просто мне этот продавец насекомых действительно был ни к чему. Я посмотрел на женщину. Сравнил ее с мужчиной. Если бы она не была сообщницей зазывалы и появилась передо мной одна, я бы безусловно не возражал против такой ситуации. Совсем неплохо, если именно женщина станет первым членом экипажа.

– Мой вопрос, возможно, покажется вам нескромным, но скажите: в каких вы отношениях? Партнеры по работе или?..

Действительно, вопрос нескромный. Хотя я сам задал его, мне хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать ответа. Мужчина перестал смеяться и тыльной стороной ладони вытер уголки рта.

– Понял. Вы считаете, что мы не подходим друг другу. Каждый раз, когда мне задают этот вопрос, я вспоминаю, как ловят форель на живца.

– И часто вас об этом спрашивают? Но почему?..

– Она выглядит грустной. – (Женщина улыбнулась.) – Создается впечатление, будто она достойна жалости из-за того, что такой отвратительный тип, как я, принуждает ее работать на себя... Это действует на мужчин возбуждающе. Тут нужно не мешкая дернуть удочку – и форель на крючке.

Мужчина сказал «она» – как о чужом ему человеке. Значит, можно надеяться, подумал я. Но слышать его хвастливые рассказы о форели и живце было неприятно.

– К сожалению, я терпеть не могу рыбной ловли.

Улыбка медленно исчезла с лица женщины. Взгляд исподлобья, складки в углах рта, толстый слой косметики – все это действительно вызывало к ней жалость. Весь ее облик был рассчитан на то, чтобы произвести нужный эффект.

– Ну что ж, теперь хотелось бы получить хотя бы краткое пояснение, что это у вас за товар, – с нажимом произнес мужчина, щелкнув по карточке ногтем. – Разве можно выбирать покупателей по своему вкусу? Коль уж вы выложили товар на прилавок, нужно и вести себя соответственно. Вы, наверное, слышали от продавца козявок, что половина здешних лотков пользуется моими услугами? Я заключил контракт и тоже несу ответственность. Если продавец будет привередничать, выбирая покупателей, я прогорю.

– Ошибаетесь. Я же вам с самого начала сказал, что это не продается.

– Нет, так не пойдет. Все, что на прилавке, должно продаваться.

– В таком случае прошу меня извинить. Верните мне футляр.

– Продавец козявок, наверное, напел про меня. Что я зазывала и еще всякое такое.

– Он сказал неправду?

– В словаре написано, что зазывала является компаньоном торговца и, будучи заодно с ним, убеждает людей купить товар. Или же это человек, вступивший в сговор с актером для возбуждения ажиотажа среди зрителей. Сейчас слово «зазывала» вышло из употребления. Но в этом занятии нет ничего зазорного. Теперь зазывалу называют «стимулятором торговли». В универмагах он считается вполне правомочным предпринимателем, и ему открывают счет.

Женщина дернула мужчину за руку. Пытаясь разобраться в плане, нарисованном на обороте билета, тот беспокойно вертелся, и это, видимо, действовало ей на нервы. Такого удобного случая упускать было нельзя. Я быстро протянул руку за билетом. Мне казалось, что она движется достаточно стремительно. Полнота не помеха проворности, если в движении участвует только верхняя половина тела.

Ничего не вышло. Билет исчез из руки зазывалы. Настоящий фокусник. Не успел я и глазом моргнуть, как он взмахнул другой рукой. Между пальцами появилась карточка. Он дунул на нее. Она начала кружиться, точно детская вертушка.

– Сдаюсь. Отдайте. А уж потом поговорим.

– Видно, ценная штука, коль вы так дорожите ею.

– Вы добьетесь обратного результата. – Женщина, смеясь, переводила взгляд с меня на карточку. – Мы подумаем, что она еще ценнее, чем на самом деле, только и всего...

– Она действительно ценная. – Мой голос зазвучал жалобно. – Что же касается стоимости, здешним покупателям она покажется несообразной.

– Вы их недооцениваете.

– У меня и в мыслях этого нет. – Чертов продавец насекомых, навеки он поселился в уборной, что ли? – Карточка ни к чему, если не знаешь, как ею воспользоваться. – У меня не было иного выхода, кроме как ждать, пока он вернется, и попросить его о помощи. – Вам от нее никакого проку... – Могу ли я рассчитывать на поддержку продавца насекомых? – Это не обычная вещь – заплатил деньги и бери. – Если говорить о физической силе, то на продавца вполне можно положиться. Но зазывала ловок и, наверное, умеет драться. Схватка будет что надо. Зазывала обладает остротой иглы, а продавец насекомых упрямством, чтобы обломать ее. Да и у меня тоже силенка есть. Мой вес – немалая боевая мощь, нужно только правильно его использовать.

– Вы называете это «билет на корабль», значит должен быть и сам корабль. Что это за корабль – вот в чем вопрос, – заявила женщина.

– Нет, главное – ключ, – возразил ее партнер. – От чего он – вот что хотелось бы узнать.

– Ничего, разгадаем... – прожурчал оживленный голос женщины, будто она разглядывала не мой план, а страницу туристского путеводителя. Дурачась, она у самого моего носа потрясла ключом словно колокольчиком.

С билетом на корабль ничего не вышло, надо было попытаться вернуть хотя бы ключ. Ведь я так ловко ловлю мух. Я внимательно следил за движением руки женщины. Пусть мужчина меня перехитрил, но с ней, я был уверен, справиться удастся. Однако что-то заставляло меня колебаться. Видимо, самодисциплина, не позволявшая дать волю эмоциям. С какой настойчивостью я пытался всучить билет на корабль продавцу насекомых, не проявлявшему к нему никакого интереса, а теперь стараюсь изо всех сил отобрать билет у зазывалы, который сам клюнул на мою приманку. Было бы глупо отталкивать его. Во всяком случае, нужно потянуть время и дожидаться возвращения продавца насекомых. Главное – любым способом не допустить, чтобы сертификаты на право выжить разошлись по чужим рукам и я потерял контроль над обстановкой.

Разразился ливень. Словно с неба свалился огромный водяной шар. Сплошная пелена дождя заслонила все вокруг. Загромыхал бетонный пол – это покупатели опрометью бросились к выходу. Торговцы стали поспешно убирать свои товары.

Воспользовавшись суматохой, мужчина с женщиной тоже убежали. Я даже не успел окликнуть их. Хотел было погнаться следом, но в тот момент, когда протискивался сквозь узкий проход между прилавками, опорный столб под тяжестью воды, налившейся в тент, накренился, поперечная балка рухнула и ударила меня по ноге. Я грохнулся на пол. Колено обожгла боль. У толстяков колени – самое слабое место.

Кто-то поддержал меня сзади и помог подняться на ноги. Я почувствовал запах пота. Это был продавец насекомых.

– Почему вы так задержались?

– Простите, простите. Думал, справлюсь быстрее, но малой нуждой дело не обошлось – понос вдруг пробрал. Может, из-за низкого атмосферного давления!

– Их нужно догнать, срочно!

– Кого?

– Зазывалу и его подружку, кого же еще.

Я было уже бросился вперед, но левая нога совершенно одеревенела и стала как чужая. Ухватившись за плечо продавца насекомых, я с трудом удержался, чтобы не упасть.

– Женщина первый сорт. Посмотришь спереди – обнять хочется, посмотришь сзади – хочется, чтобы она обняла.

– Да дело не в этом, они украли и скрылись.

– Что украли?

– Билет на корабль. Подлецы. Сперли и убежали.

– Зачем он им?

Продавец насекомых, стараясь поменьше вымокнуть под дождем, с трудом втащил меня обратно под тент. Я пытался сопротивляться, но ноги не слушались.

– Вы даже представить себе не можете, как ценен этот сертификат, потому и говорите так спокойно.

– Я и не должен знать. Наверное, и они не знают.

– Но соображают они лучше вас.

Волосы прилипли к его огромной мокрой голове, словно нарисованные шариковой ручкой. С ушей и подбородка, как из водопроводного крана, текла вода.

– Не волнуйтесь. Я догадываюсь, где они могут быть. Вы можете идти? Обопритесь на мое плечо.

Боль толчками пронзала ногу, но онемение прошло. Я ухватился за плечо продавца насекомых, взявшего в руку чемодан, и мы под потоками дождя двинулись к выходу. Динамик возвещал о закрытии универмага. По запасной лестнице на крышу поднялись рабочие и, раскрыв сумки с инструментом, начали разбирать лотки.

У лифта был четырехугольный пятиметровый навес, и под ним, спасаясь от дождя, столпились люди. Лифт стоял с распахнутыми дверями – звенел звонок, указывая на перегрузку. Но выходить никто не собирался. А если бы и захотел, все равно не смог бы – даже шевельнуться было невозможно. Раздавались крики, детский плач, стоны женщины... и непрерывно звенел звонок.

– Ничего не поделаешь, черт подери.

– Ищите их скорее, у мужчины короткая стрижка, у женщины – завивка. Она в спортивной майке с каким-то пейзажем...

– Опоздали. Будь они здесь, я бы их сразу узнал.

– Может, спустимся по лестнице?

– С девятого этажа?

– Не важно, хоть с двадцатого...

Обогнув лифт, мы оказались у железной двери, выкрашенной белой краской. На ней висела деревянная табличка с надписью: «Запасная лестница. Посторонним вход воспрещен».

4

Прозвище моего отца Тупой Кабан

Как только мы открыли дверь, сразу же окунулись в жужжание несметного полчища оводов. Это был гул мотора, резонирующий в вентиляционной трубе. Находясь в торговых залах универмага, даже представить себе невозможно, что рядом есть эта голая и крутая служебная лестница. Некрашенная бетонная стена – лишь номера этажей выведены на каждой площадке. Запах сохнувшей невыделанной кожи. Перила с левой стороны, что облегчало нагрузку на больное левое колено. На площадке шестого этажа мы остановились передохнуть, и я, выпрямив поврежденную ногу, попробовал на нее опереться. Казалось, в ноге скопилась вода, боль не исчезла, но локализовалась. Очки продавца насекомых запотели.

- Вы говорили, что догадываетесь, куда подевались беглецы, это верно?
- Нужно зайти в контору, есть здесь такая временная контора с телефоном.
- Там принимают заказы на зазывал?
- Содействуют развертыванию лотков на крыше универмага. Стимулирование торговли – вполне пристойное занятие.
- Обычное жульничество. Просто дали этому красивое название – «стимулирование торговли».

– Прямого сговора с жуликами, как мне представляется, у них нет. Если установят связь с преступниками, торговать в универмаге запретят. Хотя, наверное, мафия все же вкладывает деньги в это предприятие.

- Я так и думал. Грязные людишки.
- И баба тоже? – Это был слишком трудный вопрос, чтобы я мог сразу же на него ответить. Я сделал вид, что у меня разболелась нога, и остановился. Продавец насекомых переложил чемодан в другую руку и с улыбкой повернулся ко мне. – Я вижу, зацепила она вас. Меня, во всяком случае, – точно. Не пара ей этот тип.

- Ловят форель на живца.
- Да-а. – Он облизнул кончиком языка сначала верхнюю, потом нижнюю губу. Чемодан ударился о ступеньки в такт его шагам. – Малый не промах, своего не упустит.
- Вы думаете, они прямиком пошли в контору, в такое время? Прежде чем идти туда, может, лучше позвонить по телефону?

Мы миновали пятый этаж, прошли площадку четвертого. Нам навстречу пробежали два охранника в форме. Видимо, торопились навести порядок, чтобы лифт снова мог работать. Застекленную крышу над лестницей заливал дождь.

- Я бы на вашем месте, не теряя попусту времени, прямиком направился в порт.
- В порт?
- Конечно. У вас же билет на корабль, значит вы собираетесь куда-то плыть. А корабли, как известно, стоят в порту.
- Но мой корабль не плавает по морю. Вернее сказать – он находится в доке. Да, именно в доке. Так и будем считать.
- Эти двое рано или поздно окажутся на борту.
- Вы думаете?
- У них же есть план – на обороте сертификата.
- Ну вы и ловкач. Уже успели рассмотреть?
- Рассмотрел. У меня привычка читать в уборной все что ни попадет под руку.
- Вы считаете, что по плану можно отыскать это место?

– Если ты рыболов – запросто. Я вот занимаюсь рыбной ловлей в море и поэтому разобрался в вашем плане до тонкостей.

– Вон оно что, а он тоже рыболов? Хотя он же сам говорил о ловле форели на живца.

– Там у вас наверняка много хороших мест для рыбалки. – Он театральным жестом похлопал по заднему карману брюк. Туда, видимо, он спрятал билет. – Я хорошо помню тот район. По-моему, там еще был старый рыбацкий домик, верно?

Мне стало не по себе, точно кто-то заметил, что у меня расстегнуты штаны. Захотелось прекратить разговор. Тащить на корабль прошлое – нет уж, увольте. Когда будут подняты паруса, я хочу начать жизнь сначала, как бы снова стать ребенком, уподобиться чистому листу бумаги.

– Заболтался и забыл вернуть вам часы.

На площадке второго этажа мы передохнули в последний раз. Боль в колене почти прошла, осталась только слабость. Но чтобы усыпить бдительность попутчика, разумнее, пожалуй, делать вид, что колено все еще ноет. Продавец насекомых надел на руку часы, уселся на чемодан с юпкетчерами и зажал в зубах сигарету.

– Здесь курить запрещено.

– Я и не собираюсь. Просто пососу сигарету – в день я выкуриваю не больше пяти.

– Что, хотите прожить подольше?

– Да нет, боюсь умереть страшной смертью. Знаете, как мучительна последняя стадия рака легких?

Мы посмотрели друг на друга и бессмысленно рассмеялись.

– Может быть, вы и правы. Вместо того чтобы терять время на посещение конторы, разумнее поскорее вернуться на корабль, чтобы опередить их. Вы меня проводите?

– Разумеется, провожу. До медпункта. По-моему, он где-то на этом этаже. Если у вас вывих, то лучше не тянуть.

– Я говорю о другом. Вы ведь обещали пойти со мной туда, где эти двое.

– Обещал?

– Когда мне забинтуют ногу, я не смогу даже вести машину, а у меня джип. Он на стоянке, совсем рядом, но у него такое тугое сцепление...

– Как я понимаю, вы хотите, чтобы машину вел я?

– Неужели не умеете?

– Не смешите меня. Раньше я занимался доставкой товаров на дом. Но почему я обязан быть вашим провожатым – вот в чем вопрос.

– Я ведь вернул вам часы, а вы мне билет на корабль не отдали, верно?

– Если хотите, чтобы вернул, так и скажите. Но вы ведь просили отдать за него оставшихся юпкетчеров, считайте, что обмен состоялся.

Продавец насекомых чуть наклонился и начал рыться в заднем кармане. Вид у него был растерянный, точно по столу раскатились яйца и он не может их удержать.

– Никто и не требует, чтобы вы возвращали.

– Ну и нечего тогда орать. Терпеть не могу, когда вопят, лают, хрюкают.

– Хрюкают?..

Про хрюканье он упомянул зря. Ухо царапнуло, точно в него залезла мошка. В детстве меня не называли Свиньей. Тогда я был худ, не толще вертела, на который нанизывают мясо для жарки. Да и свинья не всегда бывает жирной. Действительно, в те годы, когда на фермах преобладала йоркширская порода, слово «свинья» стало прозвищем всех толстяков. Эта порода, именуемая также «сальной», служила важнейшим источником получения жиров до того, как начали использоваться синтетические масла. Свиной жир употреблялся очень широко, причем не только в пищу, но и как целебное средство, как сырье для приготовления медицинских свечей, как помада для усов и бороды. Но впоследствии спрос на сало стал

падать, и повсеместное распространение получила беконная порода ландрас и беркширская ветчинная порода. У этих свиней слой сала тонкий, а мяса – толстый. Прибавилось четыре ребра, тело удлинилось, сопротивляемость организма увеличилась, не осталось и намека на избыточный жир.

У моего родного отца было прозвище Инотоцу – Тупой Кабан, жил он замкнуто, ни с кем особенно не сходил. Он и в самом деле походил на кабана – всегда шел напролом, не глядя, что происходит вокруг. Правда, прозвище он, возможно, получил не только из-за своего характера, но и потому, что содержал рыбацкий домик (кстати, я был потрясен тем, что продавец насекомых знает об этом домике на мысе), который назывался Инокути – Кабанья Пасть. Это название возникло потому, что небольшая бухта у выдающейся в море скалы Инояма – Кабаньей горы – напоминала по очертаниям морду кабана.

У меня, конечно, есть кое-что общее с отцом. Например, вес, приближающийся к ста килограммам. Только Тупой Кабан ростом метр девяносто, шея такая толстая, что ни одна готовая рубашка не подходит, да и вид у него погрознее, чем у свиньи. На самом же деле действия его не отличаются агрессивностью, он даже малодушен, и от него стараются держаться подальше только из-за угрожающей внешности. Чтобы спрятать свои торчащие во все стороны волосы, которые не поддаются расческе, он постоянно носит щегольскую охотничью шляпу зеленого цвета, и это тоже отпугивает от него людей. В нем всегда жило стремление обратить на себя внимание, поэтому он вечно безо всякого дела вертелся в муниципалитете, а на своей визитной карточке, не имея на то никаких оснований, указал, что является его сотрудником. Аппетит приходит во время еды – в конце концов ему захотелось получить настоящий значок члена муниципалитета.

Его жена (моя мачеха), женщина решительная, вместо того чтобы воспротивиться этой блажи, заставила его переписать на ее имя рыбацкий домик. Это была небольшая гостиница в японском стиле с маленькой кухонькой в каждом номере, что очень радовало любителей рыбной ловли. Кроме того, Тупой Кабан владел еще двумя рыбацкими суденышками водоизмещением по двадцать пять тонн. Всякий раз, выставляя свою кандидатуру на выборах, папаша забрасывал все дела, менял охотничью шляпу на фетровую, но, как и предполагала жена, безрезультатно, а когда кошелек его опустел, он превратился в беспробудного пьяницу. Тупой Кабан и раньше-то не часто мылся, а теперь от него шла такая вонь, что даже собаки разбегались, к муниципалитету его перестали и близко подпускать. Однажды, напившись, он наступил на спавшую после обеда жену, упал, но отделался легко, лишь нос расквасил, а жена – умерла. Разрыв внутренних органов. Поползли слухи, будто Тупой Кабан забил ее ногами до смерти, но за недостатком улик его не привлекли к суду, однако все, кто у него работал, со страху сбежали. Тогда Тупой Кабан взял к себе меня и мать (мою родную мать). Она имела на окраине города, на Кабаньей горе, табачную лавочку; судя по всему, своим появлением на свет я обязан тому, что Тупой Кабан ее когда-то изнасиловал. На следующий год после того, как он взял нас в рыбацкий домик, – в то лето мне как раз исполнилось двенадцать лет – на меня самого пало подозрение в изнасиловании. Речь шла о женщине за тридцать, торговке одэном¹. На самом деле совершил это какой-то незнакомый мужчина, а я лишь наблюдал за происходящим, но мне, поросенку, в жилах которого текла кровь Тупого Кабана, оправдаться было непросто. Тупой Кабан неожиданно сам выступил в качестве вершителя правосудия: он схватил меня, запер в заброшенной каменоломне на горе (теперь это мой корабль) и держал на цепи целую неделю. Спасибо, мать тайком перепилила цепь.

С тех пор я начал толстеть. Разжирел, хотя в детстве не был склонен к полноте. Так мой организм отреагировал на несправедливое наказание, даже сейчас еще на левой щиколотке заметен шрам от цепи. В четырнадцать лет я ушел из дому. Но и после этого продолжал тол-

¹ Одэн – смесь из соевого творога и овощей.

стеть, а ненависть к Тупому Кабану становилась все сильнее. Говорят, он до сих пор не отказался от мечты стать членом муниципалитета. Но кому нужен дебошир, имеющий не то пять, не то даже семь судимостей, алкоголик, человек, распространяющий метров на десять вокруг себя нестерпимую вонь? Даже я, его родной сын, живя в том же городе, виделся с ним один раз за все эти годы.

– Очень прошу прекратить разговоры о свинье. От них я чувствую себя так, будто меня пропускают через мясорубку. Своих земляков, обращающихся со мной как со свиньей, я решительно вычеркнул из списка кандидатов в члены экипажа. Всех без исключения. Тех, кто называет меня Свиньей, я одного за другим превращаю в своем воображении в блох. И, превратив в блох, давлую ногтями.

– Не нужно так сердиться. Я не имел в виду ничего плохого. А собак я даже люблю, если только они не надоедают своим лаем. У меня и сейчас есть одна, дворняжка, честное слово.

– Я тоже держу собак.

– Шпицев, наверное?

– Черта с два.

– Если вам этот разговор неприятен, могу не продолжать. – Продавец насекомых передвинул незажженную сигарету из одного угла рта в другой и посмотрел на стену так, словно там было окно. Что, интересно, он там увидел? – Вообще-то, в это время дня медпункт всегда забит магазинными наркоманками. Знаете такую болезнь? Это хроническая болезнь женщин, которых дома никто не ждет.

– Так проводите меня до корабля?

– Не обещаю. У меня ведь есть билет на корабль, и будет еще случай попасть туда. Вечереет, нужно прежде всего пропустить стаканчик, ради этого я и веду изо дня в день такую жизнь. А юпкетчеров до машины вам донесу.

– Видимо, вы не понимаете всю серьезность положения.

– А вы ее преувеличиваете. – Он театральным жестом хлопнул в ладоши – мясистые и пухлые, будто на них были надеты резиновые перчатки, – и энергично вскочил на ноги. – Я не такой человек, как вы, не люблю загадывать наперед.

– Не будем об этом говорить, лучше проводите меня. На корабле найдется что выпить. Если поедем напрямик, это не займет и часа. Я знаю кратчайшую дорогу, по которой можно проехать только на джипе.

– Не понимаю, почему вы так мне доверяете?

– Вы человек, познакомивший меня с юпкетчером.

– Для меня юпкетчер – просто торговая операция, к тому же закончившаяся крахом, доказательством чему может служить хотя бы то, что я продал всего одного. Плохо рассчитал. Согласно теории одного немецкого психолога, сейчас мы переживаем эпоху «игры в реальность». Вот почему и происходит смешение реального и символического. Возникает жажда замкнутого пространства, желание забаррикадироваться, и, если к этому добавляется агрессивность, человеком овладевает жажда засесть в танке. Непонятно? И не нужно понимать, я прочел об этом в одной газетной статье. Вот тут-то и появилась мода, если это можно так назвать, на электронные чудовища, игрушечное оружие, телевизионные игры.

– Зазывала говорил, что юпкетчер не имеет рожек, поэтому-то его никто и не хочет покупать.

– Ну и ну. Мне кажется, вам лучше объединиться с этими зазывалами, чем со мной.

– Мне наплевать, что у жучков нет рожек. Когда придет время поднять корабельный флаг, я хочу изобразить на нем юпкетчера, он станет нашим символом.

– А что вы собираетесь делать с кораблем – продавать его или сдавать в аренду?

– Ни то ни другое – жизнь дороже любых денег.

Ступеньки кончились, мы оказались у двери в подземный этаж. Продавец насекомых взялся за ручку, но, не открывая двери, приложился к ней ухом.

– Там охранник, который следит, чтобы продавцы чего-нибудь не утащили. Нам опасаться нечего, противно только, что он станет нас обыскивать.

Он открыл дверь. Бесконечное множество звуков, под стать многообразию собранных на стеллажах продовольственных товаров, обрушилось на нас. Проход к стеллажам преграждал щит, но охранника не было.

– Пошли. – Продавец насекомых выставил перед собой чемодан, как форштевень корабля, и нырнул в лабиринт между стеллажами. – Пострадавший! Пропустите, пожалуйста! Пострадавший!..

Подлаживаясь к его выкрикам, я согнулся в три погибели и тяжело задышал.

На стоянке выстроились плотные ряды машин.

– У вас джип первой модели?

– Двигатель – две шестьсот, приемистый.

Однако у продавца насекомых, по-моему, не было желания садиться за руль. Он подошел к сиденью рядом с водительским, откинул его и вывалил содержимое чемодана прямо на пол.

– Коробочки отдаю бесплатно, в придачу.

Он даже не поинтересовался моим коленом. Мол, делай теперь что знаешь, а с меня довольно. Не хочет вести машину – не надо. Ему же будет хуже. Я дал человеку шанс, а остальное не мое дело. Если придется вступить в драку с зазывалой и его попутчицей, справлюсь и один. На крайний случай у меня все предусмотрено: в укромных местах, на пересечениях подземных ходов и на лестницах, устроены ловушки. Механические на пружинах, электрические, газовые – в общем, самых разных видов и систем. Это надежная защита от незваных гостей.

– Будьте здоровы. Если где-нибудь в Ливане сбросят атомную бомбу, я с удовольствием воспользуюсь вашим укрытием.

– Это не укрытие, а корабль. – Я повернул ключ зажигания и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. – Укрытие – штука временная. Корабль – совсем другое дело, он предназначен для жизни. Для нормальной повседневной жизни.

– Но когда корабль прибывает в порт, с него сходят. Транспорт – это средство передвижения.

– А разве не живут люди на воде?

– Нет уж, от такого черепашого существования увольте. Сидеть в норе и видеть только морды друг друга – невыносимо.

– В норе действительно невыносимо. Но ведь речь идет о заброшенной подземной каменистой пещере. Если нет желания, то можно и три, и четыре дня не только морды, но даже тени друг друга не увидеть.

Продавец насекомых выплюнул на пол машины изжеванную сигарету.

– Для такой маленькой горки замыслы слишком грандиозные. Сколько примерно человек может там укрыться?

– Я изучил все существующие подземные привокзальные улицы – ни одна из них не может сравниться по размерам с моим кораблем. В нем вполне смогли бы разместиться жители небольшого городка.

– Как осуществляется управление? Объединены ли жители в какую-то организацию? Вы что, отвечаете за рекламу?

– Видите ли, в настоящее время жителей-то всего я один.

– Быть такого не может. Существуют, я думаю, и другие люди, которые обладают сертификатами, но живут пока в других местах.

– Вы один. Если не считать зазывалу и его подругу.

– Не может быть.

– Но так оно и есть.

Я нажал на педаль сцепления. Боль в колене вполне терпимая.

– Подождите. В то, что вы говорите, не так просто поверить. Почему же вы один?

Пальцы продавца насекомых крепко вцепились в дверцу, не давая ее закрыть. Ситуация полностью изменилась. Я снял ногу с педали и глубоко вздохнул – ну что ж, посмотрим, что будет дальше.

– Все, кто прежде был связан с каменоломней, охотно вычеркнули ее из памяти. Гору терзали четверо предпринимателей, которые изрыли ее вдоль и поперек, но восемь лет назад после ряда обвалов все они отказались от права на добычу камня. Входы в подземные штольни завалили так, чтобы их невозможно было отыскать. Теперь земельные участки на горе распроданы, там строят жилые дома, а о том, что осталось под землей, никто и не вспоминает.

– Но после приостановки работ каменоломню следовало зарегистрировать на чье-то имя.

– Юридически ее как бы вообще не существует. Она вне поля зрения муниципалитета. Там ведь нет ни номеров домов, ни названий улиц...

– Но все равно это территория Японии.

Вместо ответа я снова нажал на педаль сцепления.

– Вы уж меня извините. – Продавец насекомых просунул в окно огромную голову и сжал мою руку, лежавшую на руле. – Давайте я поведу машину, для меня сейчас многое прояснилось, ваше предложение становится привлекательным.

– Поняли наконец, что приближается катастрофа?

– Конечно. Мир полон катастроф – это всем известно. Но вы молодец, здорово все придумали и будете теперь абсолютным... как бы это сказать, монархом, а может быть, неким подобием диктатора?

– В стране с призрачным населением... Да и не люблю я диктатуры.

Покачивая головой, он уселся на место водителя:

– Удивительное состояние, я чувствую, что мне повезло. Меня с детства, когда я еще учился в начальной школе, никто никуда не выбирал. Да и сейчас, в общем-то, это случилось только благодаря юпкетчеру.

5

Я путешествую, сидя на унитазе

Как только мы тронулись со стоянки, я сразу же почувствовал, что руль в надежных руках. Время то летело, то останавливалось. Недалеко от въезда на скоростную автостраду мы попали в пробку. При быстрой езде дырявый брезентовый верх еще спасал, но, когда джип еле полз, да еще под дождем, приходилось несладко. Мало того что отсутствовал кондиционер, вентиляции тоже не было, и постоянно приходилось вытирать то пот с лица, то запотевшее ветровое стекло.

– Бензина хватит?

– Хватит. Счетчик барахлит.

– Если эти двое едут той же дорогой, нам все равно не успеть. Может, поедим карри-райсу или еще чего-нибудь?

– Ну что вы, еще и получаса не прошло, как они выехали. К тому же я знаю короткий путь, по нему может пройти только джип, так что терять надежду рано.

– Да, терять надежду рано. – То ли продавец прикидывался таким сговорчивым, то ли чувствовал себя не особенно уверенно, во всяком случае, вел он себя как-то неестественно. – По дороге выйду и куплю что-нибудь на ужин. Мы, наверное, будем проезжать какой-нибудь продуктовый магазин?

– У меня там припасов полно. Корабль как-никак предназначен для дальнего плавания.

– Что вы говорите! У вас, должно быть, прекрасный аппетит. Ладно, потерпим. Думаете, есть у нас шанс? Сможем их обойти? Они ведь ни перед чем не остановятся, и к тому же у них ключ...

– Запремся изнутри на задвижку. Дверь железная.

– А что, если они устроятся снаружи и мы не сможем выйти?

– Я же сказал, что припасов навалом. Любую осаду выдержим.

Продавец насекомых рассмеялся. Кажется, я его убедил. Он смеялся заразительно, от души. Но мне было не до шуток. Что я буду делать, если зазывала попытается использовать женщину в качестве приманки? Смогу ли не открыть? Дверь, конечно, железная, но сердце-то не железное.

– Что мы будем делать, если они опередят нас? Удастся нам с ними справиться?

– Придется повозиться.

– Когда он разговаривает, у него изо рта брызги летят. Говорят, что люди, у которых выделяется много слюны, отличаются буйным нравом.

Проезд через контрольный пункт на платной автостраде был почему-то ограничен: словно опомнившись, пропускают три-четыре машины и опять закрывают. Подбородок отчаянно щипало. Кожа воспалилась от пота. Посади пингвина в горячий источник – он сразу взбесится.

– Они, я думаю, тоже на машине.

– Скорее всего, но я не знаю, какой марки.

Да если бы и знал, через мокрое стекло – дворники работали плохо – можно было разглядеть лишь впереди стоящую машину. Хотелось снять рубашку и выжать ее.

– Хоть бы ветер подул.

– Вы на своем джипе часто, наверное, ездите на дальние расстояния.

– Раньше – да. Когда работал у фотографа.

– А теперь?

– Теперь нет. С этим покончено. Стоит мне установить фотоаппарат, как сразу нападает невыразимая тоска. Может, я просто неисправимый лентяй?

– Я тоже лентяй. Не зря говорят, что наши далекие предки испокон веку были самыми ленивыми из всех животных. Оттого-то им и пришлось работать головой, и из обезьян они превратились в людей.

– Это тоже из газетной статьи?

– Фотограф, по-моему, прекрасная профессия.

– Это со стороны так кажется, к тому же я был всего лишь практикантом.

– Как это хорошо – иметь приличное занятие: полицейский спрашивает, чем занимаетесь, и вам не надо, запинаясь, что-то смущенно лепетать.

Проехали контрольный пункт. Пейзаж вдруг начал казаться прозрачным. Машина шла не очень быстро, но оттого, что автострада возвышалась над землей, ветер продувал кабину насквозь. Я снова с удовольствием подумал о жизни в заброшенной каменоломне. Естественная прохлада, нет необходимости беспокоиться, что кондиционер вызовет астму или аллергию. Скорее бы вернуться на корабль.

Придется немного отвлечься, но я хочу подчеркнуть, что не принадлежу к разряду домоседов. Наоборот, люблю путешествовать. Но не на своем джипе. Я ношусь из конца в конец по Японии, удобно устроившись на унитазах. Примерно так же, как юпкетчер, поедающий собственные экскременты, или продавец насекомых, который, сидя в уборной, любит читать или глазеть по сторонам. Итак, я путешествую.

Особенно мне нравятся цветные аэрофотоснимки, сделанные Топографическим управлением Японии. Выполненные тщательнейшим образом фотографии размером двадцать пять на двадцать пять сантиметров, которые изготавливают с помощью специальной швейцарской аппаратуры. В зависимости от места съемки они бывают разных масштабов: от 1:8000 до 1:15 000, и все сделаны с помощью линз, обладающих неправдоподобными разрешающими способностями, что позволяет различить на снимке не только каждый дом, но и автомашины и людей. Легко отличить сухие поля от рисовых, можно даже определить тип дорожных покрытий.

Еще интереснее рассматривать эти фотографии с помощью стереоскопических очков. Аэрофотосъемка производится через определенные интервалы (специальный прибор подает команду в среднем раз в десять секунд) – спускается затвор и дублируется три четверти рельефа. Складывая полученные снимки по номерам и пользуясь принципом параллакса, можно получить стереоскопическое изображение. Очки представляют собой прямоугольную металлическую пластинку с двумя выпуклыми линзами, вырезом для носа, как в карнавальной маске, и двумя пятнадцатисантиметровыми дужками. Вначале на двух изображениях нужно отыскать две одинаковые точки и расположить их горизонтально – в ряд, так чтобы расстояние между ними было меньшим, чем между линзами. Суть в том, чтобы точно выдержать определенное направление. Очки надо надевать на самый кончик носа, чтобы смотреть через линзы издали и, игнорируя находящееся справа и слева, сосредоточить все внимание на том, что расположено в центре. Фокусировка невозможна, поэтому близорукому человеку лучше надеть сначала свои обычные очки. Напрягая зрение, я осторожно сближаю края карт. В какой-то момент удастся неожиданно найти нужное положение. И сразу же низины уходят вниз, а возвышенности всплывают вверх. Возникает не просто перспектива, а ощущение, что видишь макет натуры. Все несколько преувеличено по сравнению с истинными пропорциями, и при этом происходит некоторая абберрация: в глаза бросаются, если это город, многоэтажные здания и телевизионная башня, если горный район – вершины, утесы, верхушки криптомерий. Вначале, еще не успев привыкнуть, я даже откидывал голову и непроизвольно зажмуривался.

Довольно скоро глаза начинают болеть. Происходит некое пресыщение. Тогда я каждые тридцать минут кладу на глаза смоченное холодной водой полотенце, закапываю два вида глазных капель и благодаря этому могу часов пять в день блуждать по карте. Мое домоседство объ-

ясняется нежеланием перетруждать ноги, и, если бы мне удалось превратить глазные яблоки в колеса, я был бы счастлив.

Путешествие по стереоскопической карте сродни воздухоплаванию. Если хочешь, можешь в мгновение ока пересечь море, с острова перелететь на материк, с материка – на какой-то другой остров. Но я не жадничаю и предпочитаю внимательно рассматривать одну и ту же карту, пока не выучу ее наизусть. Вот, например, старый город, напоминающий лабиринт, где из-за множества подъемов и спусков нет ни одной ровной улицы, ни одного сходящегося под прямым углом перекрестка. В таком похожем на спутанную нить переплетении улочек и переулков ни за что не найти дорогу, даже если будешь спрашивать в каждой мелочной лавочке. Сами жители и те не в состоянии начертить точную карту городка, потому что видят пейзаж только с земли. Я по сравнению с ними нахожусь в привилегированном положении человека, который рассматривает все сверху. Если улица разветвляется, чтобы через некоторое время слиться вновь, можно, как бы раздвоившись, следовать обоими путями одновременно. Если забредешь в тупик, упирающийся в холм, снимай очки и возвращайся назад на ровное место. Не опасаясь посторонних глаз, ходишь по городку, заглядывая в каждый дом. Представляя себе, что бежишь, спасаясь от преследователей, можешь смело пересекать дворы, проходить даже через квартиры. Колонка, к которой ведет каменная лесенка... недавно надстроенный дом – это ясно хотя бы потому, что второй этаж выкрашен другой, яркой краской... внутренний дворик с колодцем под черепичным козырьком... огромный дом с плоской крышей, не имеющий сада... крестьянская усадьба, где из-под навеса выглядывает капот пожарной машины, переделанной из легкого грузовика... синтоистский храм, позади которого составлены штабелем двадцать четыре железные бочки... склад сельскохозяйственного кооператива с дырявой крышей... два корпуса деревообрабатывающего завода в излучине реки... дом под горой, куда никогда не заглядывает солнце...

Во все эти места попадаешь по улицам, которые и улицами-то не назовешь. Информация накапливается пропорционально времени. Как хорошо, когда, устав, можешь посидеть на скамейке приморского парка, глубоко вдыхая пронизанный солнечными лучами воздух. Неплохо и поплавать по реке у дамбы, где открывается такой прекрасный вид. Одноцветные пшеничные поля и пестрые огороды. Трава у реки – по цвету и густоте сразу можно определить, что это – мискант, или свиная трава (противное название!). Заманчиво совершить полет вдоль горных дорог, окаймленных вишневыми деревьями. Как приятно поваляться в густой траве, воображая себя сыщиком, прячущимся в засаде. А если обнаружат, можно снять очки и улететь к телевизионной башне на далекой горе.

Я всегда думаю: эх, если бы мир был как карта... Созданный с помощью стереоскопической аэрофотосъемки мир, на который можно смотреть сквозь очки, не отличить от экскрементов юкетчера.

- У, чертово сцепление, совсем не отрегулировано. Слишком мало ездите.
- Осторожно, сейчас будет крутой поворот.
- Терпеть не могу тащиться за грузовиком. Всю машину забрызгает.

Мы выехали на дорогу, идущую вдоль побережья, дома кончились, и ветер задул сильнее. Дождь тысячей пальцев скреб хлопавший на ветру брезент. Чтобы услышать друг друга, приходилось не говорить, а буквально лаять, поэтому мы предпочитали молчать.

Ну вот наконец прямой склон, теперь недалеко. Гора осталась позади, и перед нами открылось море. Сегодня оно было беспокойно, гребни волн напоминали грязную мыльную пену.

- Зеленый знак с надписью: «До выезда из района Кабуто 1,3 км».
- У следующего контрольного пункта сможете выйти, – сказал я.
- Как читается это название?
- Кабуто. Наверное, от слова «кабуто» – шлем.

В мчащихся тучах появились розоватые (может быть, следовало сказать: цвета свинины) просветы. Вечерний пейзаж стал снова светлеть – ведь еще не было и семи. Сверкнула молния. На площадке техобслуживания продавец остановил машину и опустил стекло. Задрав рубаху до самого подбородка, чтобы немного проветриться, я вытер пот. Вдруг перед глазами возникла привычная коричневого цвета стрелка: «У нас подают овощи в соевом соусе и карри-райс». Я испытал острое чувство голода, словно в желудке разверзлась дыра. Наверное, потому, что на глаза попала вывеска закусочной.

– Пока ехали, живот подвело. – Видимо, у продавца насекомых возникло то же ощущение. – Может, заскочим в эту закусочную?

– Ничего не получится. Времени нет.

Главное – не показать своей слабости. Держаться так, как подобает капитану. Я должен проявлять твердость и непоколебимость, чтобы он сам признал меня капитаном, даже если я и не буду претендовать на это звание.

– Мы можем там не рассиживаться, захватим еду с собой. Поедим по дороге. Возьмем угря с рисом и по стаканчику кофе, согласны? – предложил продавец насекомых.

– Если уж есть сидя за рулем, то лучше тушеную рыбу в бамбуковых листьях, это удобнее.

Мне хотелось показать ему, что решаю здесь я.

– Ну что ж, можно и тушеную рыбу...

Он выскочил из машины. Я надеялся, что он хоть немного поспорит, и такая его сговорчивость меня неприятно резанула. Вскоре, улыбаясь во все лицо, продавец насекомых вприпрыжку возвратился назад, его голова была от дождя накрыта платком, большим и средним пальцем он держал что-то нанизанное на вертелы, на мизинце висел пакет, в другой руке – два бумажных стакана.

– Франкфуртские джамбо и кофе. И четыре порции тушеной рыбы по пять штук в каждой. Съедем по дороге, а что останется, пойдет как закуска к пиву.

– Что такое «джамбо»?

– Франкфуртские сосиски. На них много горчицы, так что постарайтесь не накапать на брюки. Такой цвет – подумают еще невеста что.

Я стал жевать. Эта штука прекрасно утоляла голод.

– Как ваше имя?

– О-о, как это мы до сих пор не представились друг другу! Меня зовут Комоя. Манта Комоя. К сожалению, визитные карточки кончились.

– Странное имя.

– «Комо» пишется тем же иероглифом, что и вторая часть слова «макомо» – тростник. Из него плетут циновки. Мои предки, я думаю, были бедными ремесленниками. А как вас зовут?

– Не будем говорить о моем имени.

Он выбросил в окно вертел от франкфуртского джамбо, облизнул пальцы, перепачканные горчицей и кетчупом, и нажал на акселератор.

– Что-то заставляет вас скрывать свое имя?

– Ничего подобного. Просто настоящим именем в последние годы я пользуюсь, только когда меняю водительские права.

– Прекрасно. Но мы ведь теперь приятели, и я должен вас как-то называть.

Он был прав. Его слова навели меня на мысль о том, что я всегда безотчетно избегал, чтобы меня называли настоящим именем. И если кто-то произносит его, меня словно током ударяет. Еще в то время, когда я работал у фотографа, меня все звали Кротом. Это все-таки лучше, чем Свинья, и поэтому я тоже начал звать себя так. В конце концов кличка превратилась в имя – я стал Кротом.

– ...Ну что ж, если хотите, могу называть вас Капитаном.

В ушах звук шуршащей бумаги, как это бывает, когда хохочешь. И почему-то чувство одиночества, от которого защеколало в носу. По собственному почину совершенно незнакомый человек, с которым мы встретились случайно, назвал меня Капитаном. Пожалуй, это неплохо. Чаще всего чужими друг другу становятся братья, чем дальше люди по крови, тем счастливее брак. Случайный выбор максимально соответствует законам генетики.

– Самая близкая дорога, по-моему, вдоль реки, а потом – через ту гору?

– Как вы догадались? Неужели поняли из моего плана?

– Когда занимаешься доставкой товаров на дом, вырабатывается способность хорошо ориентироваться. – Он высморкался в платок, которым до этого накрывал голову. – Фу, выхлопные газы дизельного грузовика. Терпеть не могу скоростные автострасы. Стоило бы ознакомиться со статистикой заболеваемости водителей грузовиков раком легких.

Со стороны города Кабуто, с двух сторон подступающего к реке, Кабанья гора, круто обрываясь, действительно напоминала шлем воина эпохи брани царств². Именно поэтому жители Кабуто называли гору Кабутояма – Шлем-гора. А на противоположном берегу высится Кабанья гора. На географических картах нет ни того ни другого наименования. Там значится холм Жаворонков.

Мы переехали реку по мосту Кабутобаси и оказались к северу от Кабаньей горы. На ее левом склоне растет мандариновая роща, у первой автобусной остановки мы свернули с широкого шоссе и по идущей через рощу горной дороге направились к вершине. Это и есть тот самый ближний путь. Если не знаешь его, приходится ехать до станции государственной железной дороги, проезжать под виадуком, возвращаться назад и огибать подножие горы. Это занимает минут на десять-пятнадцать больше. Я рассчитывал сэкономить таким образом время и оказаться на корабле раньше зазывалы и его спутницы.

Как только мы свернули с шоссе, асфальт сразу же кончился и начался ухабистый проселок. Трава на обочине промокла от дождя, и машину легко могло занести. Я включил передний мост. Недалеко от вершины дорога снова выровнялась. Вернее, это была не дорога, а огромная поляна. Дождь кончился, по небу неслись рваные облака, похожие на полотнища. Их края были резко очерчены, потому что уже всходила луна, а отблески только что зашедшего солнца еще не погасли.

– Что это там? Похоже на памятник.

Действительно похоже. Слева в лесу под темной скалой виднелось что-то, напоминающее некое фантастическое сооружение.

– Обнаженная горная порода. Видимо, здесь предполагалось сделать штрек. Но земля принадлежит владельцу мандариновой рощи, и от этой идеи пришлось отказаться. Единственное нетронутое место на всей горе.

– И теперь там трап на ваш корабль?

– Ну что вы! Видели ведь план. Трап у самого побережья, под горой.

– Странно. Я думал, что под землей штольни связаны между собой.

– Я все досконально обследовал, сюда штольня не доходит. Хотя и тянется больше чем на три километра.

В том месте, где кончался лес, стояла изгородь из колючей проволоки. За ней длинное здание на легком каркасе – по виду обычная общественная постройка (в нем расположена контора мусорщиков, в этот час там еще никого не было). Неподалеку находился проход в изгороди, и на земле виднелись следы от автомобильных шин. Отсюда снова начиналась асфальтированная дорога, пейзаж сразу же менялся. Теперь это действительно был холм Жаворонков. Плавно изгибаясь, он спускался к морю, весь усеянный крышами домов. В тусклом медно-

² Эпоха брани царств – период междоусобных феодальных войн в Японии в XVI в.

красном свете, сочащемся сквозь разрывы облаков, они напоминали не столько шкуру кабана, сколько панцирь броненосца.

– Теперь уже совсем близко. Дорога ровная, отключим передний мост и поедem побыстрей.

Лет восемь назад здесь был густой смешанный лес, что очень подходило названию Кабанья гора. И, точно соревнуясь между собой, грохотали моторы машин, добывающих камень; поднимая клубы пыли, разбрызгивая потоки грязной воды, мчались по горной дороге мощные самосвалы, наводившие ужас на местных ребятишек, пока не установили знак «Въезд запрещен». Теперь тут оранжевые уличные фонари, тротуар, отделенный от мостовой желтой волнистой линией, стеклянные будки телефонов-автоматов, тихая вишневая аллея, по которой ходят только местные жители, ряды домов с небольшими огороженными дворами.

Неожиданно продавец насекомых гнусаво запел:

– Золотой жу-ук богате-ей... – Только это он и пропел, потом надолго замолчал и снова высморкался. – Привычка, до юпкетчеров я торговал жуками-оленьями.

– Я уже слышал об этом от зазывалы. Это и есть рогатые жуки?

– С ними нужно обращаться так. – Он поднял указательный палец левой руки вверх и, весь напрягшись, продолжал сдавленным голосом: – Берете и сажаете на кончик пальца. С давних времен в детской песне поется, что эти жуки приносят счастье. Интересно, что насекомые почитаются не только в нашей стране, – в Древнем Египте поклонялись жукам-скарабеем как одному из воплощений солнечного божества. В любой энциклопедии можно прочитать, что известный энтомолог Фабр полжизни посвятил изучению скарабеев. Вам бы тоже нужно заполучить такого жука. Как талисман. Но самый удивительный из всех – золотой жучок, который водится в тропических джунглях. Вам не приходилось видеть его? Он настолько мал, что рассмотреть его невооруженным глазом почти невозможно, – утверждают, что увеличительное стекло было придумано именно для того, чтобы наблюдать за этим жучком. А совершенствование лупы привело в дальнейшем к развитию астрономии.

– Неужели кто-нибудь покупает их?

– Я их продавал. И шли они бойко, не то что юпкетчеры. Лучшие покупатели – мамыши с детьми. Детишки, улыбаясь, смотрят на матерей. А те поспешно достают кошельки.

– У вас язык хорошо подвешен, кого хочешь уговорите.

– Это уж точно. – Он высунул свой багровый язык и поводил им из стороны в сторону. – А мамыши – они все одинаковые.

У здания муниципалитета – сплошь черное стекло и черный искусственный мрамор – спускавшаяся под гору дорога кончалась, и до гавани прямо на юг шло широкое четырехрядное шоссе. Суда для перевозки камня теперь уже не использовали, рядом проложили новую дорогу на эстакаде, и поэтому движение по старому шоссе почти прекратилось, но все же у светофора скопилось несколько машин, главным образом небольших грузовиков – рыбный порт располагает самыми крупными морозильниками в префектуре.

– Ну вот наша гонка и закончилась. Какой бы дорогой они ни поехали, здесь наши пути сойдутся. Разумеется, если нам удалось их опередить.

– Боюсь, ничего у нас не вышло. Хотя мы и ехали кратчайшим путем, но переезд через гору все же отнял массу времени.

Мог бы и не говорить – я без него это знал. Никогда не следует разбивать вдребезги даже самую хрупкую надежду. Задержались-то мы по его вине.

– Государственная автострада далеко огибает железную дорогу с севера. Если бы мы выехали одновременно, то опередили бы их минут на пятнадцать.

– Понимаю, понимаю. Отсюда прямо к морю, верно, Капитан?

Хоть продавец назвал меня капитаном, это не улучшило моего настроения, на что он явно рассчитывал. В его тоне мне даже послышалась издевка.

– Вон там впереди ряды оранжевых огней. Это та самая новая дорога на эстакаде. От нее – налево.

6

Дверца брошенной машины

Как только мы переехали через узкую грязную речушку, асфальт стал неровным. Шоссе было сильно разбито, и местами обнажился гравий. Наконец над головой появилась покоящаяся на толстых железобетонных опорах новая дорога. Вначале шоссе идет параллельно ей, у второй опоры они расходятся, а дальше, описав дугу, пересекаются у самого залива. Внутренняя часть дуги является частным владением Тупого Кабана (моего родного отца), которому не удалось продать эту землю компании по строительству дорог.

Если бы здесь все еще стоял рыбацкий домик, он оказался бы прямо под автострадой. Но теперь от участка, домика, причала остались одни воспоминания. Из всего имущества сохранился лишь зажатый между городским шоссе и автострадой клочок крутого склона, такой крохотный, что на нем и конуры не поставишь. Ничего не стоящая, никуда не годная земля, поэтому и сам Тупой Кабан не проявлял к ней ни малейшего интереса, что и позволило мне воспользоваться ею без его разрешения. В центре дуги – вход в заброшенную каменоломню. Именно через этот вход отец двадцать лет назад затащил меня в подземелье и посадил на цепь. Наверное, запасы хорошего камня истощились уже тогда, потому что разработки больше не велись. Лишь несколько рабочих занимались там изготовлением каменных фонарей, и я помню, как они тайком подкармливали меня. До сих пор не могу понять, какая была необходимость рыть проход в каменоломню из двора рыбацкого домика. Тупой Кабан, наверное, знает, зачем это сделано, но я не собираюсь его расспрашивать.

Поскольку Кабанья гора спускается к бухте крутыми уступами, шоссе проходит так, что внутренняя сторона дуги выше внешней. До нижнего уступа – каменный обрыв метров семь, и без веревки спуститься с шоссе прямо вниз очень трудно.

- У первой бетонной опоры – направо...
- Там нет никакой дороги.
- Не важно, это же джип.

Раньше здесь был вход в рыбацкий домик, а теперь все заросло густой высокой травой. Нырнув под автостраду и обогнув песчаную отмель, мы должны были вновь вернуться к уступу.

- Зазывале придется поблуждать.
- Вот здесь останавливайтесь. И выключайте мотор.

Из ящика для инструментов, стоявшего за сиденьем, я достал фонарь и вышел из машины.

- Как колено? Полегчало?
- Да вроде бы.

Притворяться больше не было ни сил, ни желания. Наклонившись, я внимательно обследовал окрестности и прислушался. Если зазывала и женщина разобрались в плане и опередили нас, где-то здесь они должны были выйти из машины. Но незнакомых следов от шин нет. До ушей доносится лишь шум автомобилей, пронесшихся по автостраде над головой, и свист ветра, дуящего с моря. Не слышно рева мотора, надрывающегося на песчаных заносах, не видно никаких посторонних предметов.

- Кажется, успели.
- Смотрите, следы...

Продавец насекомых (должно было еще пройти время, чтобы я мог называть его Комоясан) покинул водительское сиденье и показал на песок у опоры. Я направил туда свет фонаря. На песчаном заносе между уступами виднелись две цепочки небольших углублений, похожих

на чьи-то следы. Поглощенный тем, чтобы не дать водителю сбиться с дороги, я сначала их не заметил.

– Может, собака?

– Для собаки следы слишком продолговатые. А может, и собачьи.

– Поехали скорее, – поторопил я продавца насекомых и сам сел за руль. Включил оба моста. На второй скорости двинулся к месту, засыпанному песком. Обогнул его, все время нажимая на газ, и помчался от моря к обрыву.

– Осторожно!

Продавец насекомых, который сидел, упершись руками в приборную панель, вдруг вцепился в руль.

– Отпустите, пальцы перешибет! – крикнул я.

Виляя из стороны в сторону, машина с трудом двигалась вперед. В свете фар мелькнула какая-то тень. Я поспешно затормозил, обливаясь потом. Бродячая собака, да еще трехногая – задняя лапа отрезана по колено, – пригнув голову до самой земли, неторопливо скрылась в траве. Костлявая старая псина с мордой, заросшей седой шерстью, – их тут целая стая, штук семь или восемь.

– Значит, следы все же были собачьи. – Продавец насекомых крепко уперся ногами в пол, его голос звучал напряженно. – Но какая кровожадная морда!

Я заглушил мотор. Послышался душераздирающий вой.

– Слышите?

– Это не один пес! – воскликнул продавец.

– Штук семь или восемь. А тот, первый, – вожак.

– Ничего, собаки могут только пугать. Если их не натаскали специально, они не способны загрызть человека.

– Загрызут. Здесьние собаки не верят людям.

– Но к Капитану-то они привыкли?

– Возможно.

В его обращении ко мне явно звучала лесть. Все же это лучше, чем если бы он ни во что меня не ставил. Я снова включил мотор и подъехал к самой круче. Привлеченная светом кошмарная билась о лобовое стекло. Примерно до половины девятиметрового обрыва была навалена гора хлама. Покореженная кухонная утварь... драные носки и велосипедное седло... бочка, выброшенная вместе с соленьями... рыбья голова с разбитой лампочкой во рту... в прошлом холодильник, а теперь гроб для собаки... пустая бутылка из-под кока-колы с надетым на ее старым башмаком без подошвы... вся в паутине, точно обернутая ватой телевизионная трубка...

– Унылое зрелище. Это что, свалка?

– Камуфляж. Где вход – ни за что не найдете.

– Не беспокойтесь, найду. Вон там, наверху, где валяется остов «Субару – триста шестьдесят».

Поразительная наблюдательность. Действительно, если присмотреться, можно было заметить, что из проржавевшего кузова свисает веревка. Но я не думал, что мою маскировку будет так легко разгадать. Даже забравшись в машину, только опытный сыщик по запаху свежего машинного масла, которым смазаны ручки и петли дверец, смог бы заподозрить неладное.

– Ну и интуиция у вас.

– Просто не очень тупой. Но как вам удалось собрать весь этот хлам?

– Поставил табличку: «Частное владение, свалка запрещена» – только и всего.

– Гениальная выдумка. Но не рухнет ли вся эта куча, как только мы возьмемся за веревку?

– Нет, на самом деле конструкция изнутри закреплена болтами.

– Ясно. – Продавец насекомых, хлопнув в ладоши, стремительно выскочил из машины. Расставив ноги, сцепив руки на затылке и делая повороты влево и вправо, начал разминаться.

Он оказался более ловким, чем я думал, и голова у него была не такой уж большой. Судя по тренированному телу, возможно, он в прошлом занимался спортом.

– Давненько не вязывался я в настоящую авантюру! – крикнул мне продавец.

– Откиньте брезент сзади – там должен стоять ящик. В нем резиновые сапоги и рабочие перчатки.

– Да, без резиновых сапог не обойтись. А то еще заберутся в носки какие-нибудь сороконожки или дождевые черви – жуть!

Залаяли собаки, точно дождавшиеся, пока продавец насекомых зайдет за джип. Из темноты донеслись какие-то шорохи. Бродячие собаки, точно волейболисты, наделены способностью мгновенно переходить от обороны к атаке. Продавец насекомых, шаря рукой по брезенту, расстегнул задний полог и прыгнул в машину.

– Я же говорил: терпеть не могу, когда собаки лают. А если кусаются – и подавно.

– Ничего страшного, они ко мне привыкли.

В свете фонаря было видно, как растет возбуждение собак: одни на скакивали на брезент и царапали его когтями, другие зачем-то скребли землю, третьи лезли друг на друга. Дав продавцу немного потрястись от страха, я начал изображать далекий собачий вой. Почему-то собаки его пугаются и становятся смирными. Стоило мне приоткрыть окно, наполовину высунуться наружу и трижды провыть, как ближайшая ко мне собака стала подвывать, а остальные принялись жалобно скулить. Продавец насекомых затрясся от смеха. Я не мог понять, что это его так разобрало, – наверное, нервная реакция человека, только что избежавшего опасности.

– Однажды я видел нечто подобное во сне. Когда же это было?.. – Он надел резиновые сапоги, разорвал нитку, скреплявшую новые рабочие перчатки, и снова уселся на переднее сиденье. – Лучше я пойду первым, двоих веревка, пожалуй, не выдержит.

– Может, и не выдержит, не пробовал.

– Так что, если не возражаете, я полезу первым. А то, пока я буду болтаться на веревке, собаки весь зад изгрызут, а мне это совсем не улыбается. Правду говорю: у собак инстинкт бросаться на все круглое. – Он ступил на подножку и стал вглядываться во тьму. – Повойте еще, утихомирьте их, прошу вас.

Сам не знаю почему, но меня вдруг снова охватили сомнения. Мне было прекрасно известно, что первейшее условие успеха – набор команды. Но, кажется, я слишком уж привык к одиночеству. Умом я понимал, что должен приветствовать вступление на борт продавца насекомых, но сердце сжималось от страха. Мучила мысль, что все совершенное мной сегодня – сплошное безрассудство. Я, правда, не отрицаю, что каждый раз, когда, вернувшись, вставлял в замок ключ, мною овладевало отвратительное чувство одиночества. Но это, как правило, бывало минутное состояние, и, отдохнув в трюме, я настолько успокаивался, что забывал об одиночестве. Если воспользоваться словами продавца насекомых (вернее, его пересказом прочитанного в газете), я, смешав реальное и символическое, жаждал укрыться в блиндаже.

– Повойте еще разочек, поскорей, – попросил продавец насекомых. – Проголодался я.

– Сначала нужно как следует разработать операцию.

– Какую операцию?

– Что мы должны предпринять, если они опередили нас?

– Напрасные предосторожности. Разве такое возможно?

– Не знаю.

Я, конечно, не думал, что зазывала и его подруга могли нас опередить. Но все же я заметил кое-какие признаки, указывавшие на то, что кому-то удалось проникнуть на корабль. Например, по-другому были расположены лежавшие вместе ножка от стула и бочка из-под горячего, которые служили мне опознавательными знаками. Правда, я сам мог сдвинуть их, когда спускался, – тогда беспокоиться нечего. Некоторое перемещение предметов в куче неизбежно. Вполне возможно, это сделала кошка, которая, спасаясь от собаки, прыгнула на бочку.

Над головой по эстакаде один за другим пронесли несколько огромных трейлеров. Когда они проехали, продавец насекомых сказал уныло:

– Предлагаю пари. Пари, что они еще не добрались сюда. Спорим?

– На что?

– На ключи от джипа.

– Меня сейчас беспокоят проблемы более важные. Теперь, когда я буду здесь не один, а вдвоем с вами, придется пересмотреть меры защиты против возможного вторжения.

– Если говорить о проблемах, то я бы хотел начать с уборки. – Продавец насекомых ехидно улыбнулся. – Бродячие собаки с этой свалки – они не то что вторгнуться, близко подойти не дадут. Ну и вонища, раз вдохнешь – голова раскалывается.

– Это из-за погоды. Пахнет известью, которой здесь все продезинфицировано.

– Только и всего?.. А что касается мер защиты – то вы слишком много о них думаете. Когда капитан такой затворник, надеяться на дальнейшее плавание не приходится.

– Даже если продаешь обыкновенную кастрюлю или чайник, твой долг – позаботиться, чтобы они не пропускали воду. Тем более это необходимо, когда речь идет о корабле, – течь может стоить жизни экипажу.

– Не подумайте, что я возражаю против мер обороны или защищаю зазывалу. Просто я считаю, что капитан обязан иметь более широкие взгляды...

– Вы же сами говорили, что с ними нужно держать ухо востро.

– Не стоит относиться к этой паре с предубеждением. Если им все-таки удалось преодолеть все препятствия и проникнуть внутрь, не заслуживают ли они награды?

– Вы правы, но женщине вряд ли это было под силу.

– Если взбираетесь даже вы... Простите, оговорился, сорвалось с языка. Капитан должен быть великодушным... эта оговорка свидетельствует лишь о моей искренности. К тому же мы живем в век, когда женщины совершают восхождения даже на Гималаи. Но все же вы, пожалуй, правы, вряд ли ей это удалось – собаки, гора хлама.

Мне тоже начало так казаться. Шарахаюсь от собственной тени. Маловероятно, что с входа (отныне, вслед за продавцом насекомых, будем называть его трапом) снят висячий замок. Не зря ли я вообще взял в помощники этого продавца, перестраховщик проклятый?

– Ладно. Если собаки приблизятся, я буду их отгонять. – Заглушив мотор, мы вышли из машины. Я отдал ему маленький фонарик, а своим, большим, стал светить под ноги. – Откроете дверь со стороны сиденья водителя, за ней – туннель, так что берегите голову. До входа метров девять. Я вас догоню.

Продавец насекомых ухватился за веревку и начал карабкаться вверх, земля и песок сыпались из-под его ног. Я это делаю ловчее. Нельзя забывать, что склон очень крутой и на нем весь этот хлам едва удерживается. Если не знаешь, куда ступать, нужно быть обезьяной, чтобы взобраться наверх. Ко мне подкралась черная, худая, длинноухая псина. Решила познакомиться? Собаки-то признавали меня за главного благодаря моему умению быть, а вот признают ли люди? Я надел резиновые сапоги и рабочие перчатки. Продавец насекомых помахал фонариком и исчез в кабине «субару». Увидев, что веревка перестала качаться, я ухватился за нее и полез вслед. Взбирался твердо и уверенно, испытывая даже некоторое чувство превосходства. Ржавая железная дверь. Сразу за ней вход в туннель – четырехугольник, каждая сторона которого метр сорок семь сантиметров. Далеко впереди мерцал фонарик продавца насекомых. До сих пор не могу понять, с какой целью были выбраны именно такие некруглые цифры для определения размеров туннеля. Только у входа вделана металлическая рама, весь остальной туннель – голый камень со следами от электропилы. Под ногами – ржавые рельсы. Судя по ширине, обычная колея для вагонеток. Туннель перпендикулярно проходит под городским шоссе и тянется дальше еще метров пять. В этом месте прямо над ним находится табачная лавка моей родной матери (то есть мой дом). Продвигаясь по туннелю, слышишь, как меня-

ются звуки. Высокие поглощаются каменными стенами, и остаются лишь низкие, напоминающие подземный гул. Вой ветра, шум моря, шуршание крышек автомашин, проносящихся по автостраде, – все они чем-то напоминают звук хлопающего на ветру огромного тента.

– Дело нешуточное. Не могу найти замка. Подойдите сюда, – слышался далекий, точно в телефонной трубке, мрачный голос продавца насекомых.

– Он с левой стороны засова. Слева от вас...

– Подойдите сюда и посмотрите сами. Засов отодвинут.

Так. Замок исчез. Не заметить его было бы невозможно – внушительный, диаметром пять сантиметров, из нержавеющей стали. Кто-то открыл дверь. Замок висячий, и его мало просто отпереть, нужно еще вынуть из засова. А оставлять замок нам в качестве подарка они, конечно, не собирались. Пробрались все-таки. Жаль, что нет замочной скважины, через которую можно было бы заглянуть внутрь. Я присел на корточки перед железной дверью и прислушался. Но разобрать ничего не смог – слишком много доносилось оттуда звуков.

7

Ловушки и унитаз

– Опережали. Зря я предлагал пари.

Продавец насекомых говорил шепотом, отирая полой рубахи пот с подбородка. Оголилась белая грудь, на животе виднелось багровое родимое пятно величиной с ладонь.

– Сами же говорили, что я превышаю необходимую оборону.

– Но действительно ли это зазывала со своей подругой? Никто другой не мог сюда попасть?

– Да бросьте вы. Ключа больше ни у кого нет.

– Машины я тоже нигде не видел, к тому же не могу представить себе, как они отыскивали кратчайший путь, пользуясь только планом.

– Может быть, приехали электричкой-экспрессом?

– Какой еще электричкой?

– Если им удалось сразу же сесть на экспресс, то они, безусловно, могли опередить нас. Потушите фонарь.

Дверь – из толстого, сантиметрового, железа, тяжелая, и на петли приходится большая нагрузка. Поэтому, когда открываешь ее, она немного перекашивается. Нужно потянуть на себя, чуть приподнять и надавить сбоку, тогда дверь открывается легко, без скрипа. Я прислушался. Звуки, похожие на рокот волн, на шум в морской раковине, на звон падающих капель... слишком тихо. Я распахнул дверь и попал в тамбур, пол которого устлан криптомериевыми досками. Ухватившись за мой пояс, продавец насекомых шел сзади. Если вход в ковчег считать трапом, то место, где мы очутились теперь, следовало бы назвать не тамбуром, а люком. Мы оказались на площадке лестницы, ведущей вниз, в трюм. Запах сырости и плесени, полная тьма. Ни шороха, ни звука. Куда же подевались взломщики? Меня охватило тяжелое предчувствие.

Я не предупредил еще продавца насекомых, что по всему кораблю установлены устройства против непрошенных гостей. Например, сама лестница, ведущая в трюм, уже таит в себе опасность. На первый взгляд в ней не заметно ничего необычного, но ступеньки с четвертой по седьмую представляют собой коварные ловушки. С одного края они держатся на петлях, снабженных пружинами, а с другого – могут свободно подниматься и опускаться – стоит встать на ступеньку, как нога моментально соскальзывает. Донизу метров семь, и, упав с лестницы, ничего не стоит разбиться насмерть. Поэтому следует пользоваться приставной лестницей, находящейся чуть дальше. Но предположим, это препятствие удалось благополучно преодолеть. Тогда вторгшегося ждет еще одна лестница, ведущая на мостик (так я окрестил возвышение, напоминающее балкон, хотя на самом деле это моя каюта – каюта капитана, как ее следовало бы называть). Стоит поставить ногу на ступеньку, не нажав предварительно кнопку отключения системы, как выстреливает ракета фейерверка. Достаточно дотронуться до ящика письменного стола, как бьет струя газа из баллончика аэрозоля против насекомых. Запретен для чужого глаза и дневник. Если не в меру любопытный вознамерится заглянуть в него, взявшись за закладку, в ту же секунду сработает инфракрасная сигнальная система, и шпиона засыплет осколками стекла. Я натолок его из старых электрических лампочек, каждый кусочек тоньше слюды и острее бритвы. Впившись в волосы, осколки застрянут в них так прочно, что никакой щеткой не вычесать, а попытка помыть голову кончится тяжелыми порезами.

Всерьез я не предполагал, что мне придется прибегнуть к этим крайним средствам. Я жил в ощущении полной безопасности и спокойно ждал того момента, когда экипаж взойдет на корабль. Все началось с портативного универсального станка австрийского производства, куп-

ленного мной для изготовления замков с кодом. Прежде всего я выточил крохотные винтики для закрепления дужек на очках. Потом починил авторучку, сделал разные детали к старому фотоаппарату. Я все отремонтировал, изготовил кое-какие нужные вещи. Самой выдающейся моей работой было автоматическое духовое ружье. Причем необычное. По внешнему виду оно напоминало зонт, только спицы потолще. К сожалению, не нашлось места для установки прицела. Поэтому ружье можно было использовать лишь при стрельбе с близкого расстояния, и прямому назначению – я сделал его для истребления крыс – оно не отвечало. Но служить зонтом могло вполне. Если бы я стал продавать ружье на крыше универмага, его бы оценили гораздо выше, чем ту водяную пушку.

Могут ли меня привлечь к ответственности, если кто-то из вторгшихся получит ранение?

Через две, а может быть, через двадцать секунд стальная дверь под собственной тяжестью закрылась, издав глухой звук. Продавец насекомых включил карманный фонарик. Но свет был слишком слаб. Образуя крохотный конус, он тут же растворялся, лишь подчеркивая непроглядную тьму, простирающуюся на двадцать два метра в длину, тридцать один в ширину и восемнадцать в высоту. Продавец насекомых крикнул в эту тьму:

– Есть здесь кто-нибудь?

– Конечно есть, – донесся подхваченный эхом голос, и нам в лицо ударил яркий луч большого фонаря. – Долго же пришлось вас ждать. Включите скорее свет!

Голос зазывалы – ошибиться было невозможно. В нем слышалась напускная веселость, но в то же время чувствовался и неприкрытый вызов. Потом раздался голос женщины:

– Больно... ой как больно...

Судя по тому, как она произнесла эти слова, видимо, ничего страшного не произошло. Поняв, что их жизнь вне опасности, я вздохнул с облегчением. Следовавший за мной продавец насекомых, точно наткнувшись на тьму, упал. И в тот же миг луч слабого фонарика, освещавший пол, исчез, поглощенный мраком.

– За перила-то хоть можно держаться, не опасно? – спросил хрипло продавец и, откашлявшись, продолжал уже нормальным голосом: – Так, значит, это вы? Все-таки добрались.

– О, это же Комоя-сан. – Голос женщины прозвучал бодро. Но зазывала, видимо, тут же одернул ее, и она снова жалобно вскрикнула: – Больно же, больно...

– Пролезли все-таки. Даже собаки им нипочем, – возмутился продавец насекомых.

Из темноты, черневшей за пляшущим светом фонаря, послышалось в ответ:

– Ничего себе приветствие. Скажите лучше, зачем вы-то пожаловали сюда! Лицезреть вашу физиономию не доставляет нам никакого удовольствия.

Судя по тону, было непохоже, что у них лишь шапочное знакомство. Продавец насекомых что-то скрывал о своих отношениях с зазывалой и его подругой.

– Ишь как он заговорил! Да вы просто воры – украли билет на корабль, – продолжал кипятиться продавец.

– Не будем ссориться. Все должно идти своим чередом. Нам пришлось немало поплутать, пока добрались сюда.

– Но все-таки добрались. Какое счастье, – съехидничал я.

– Если нужно заплатить за вход, мы не возражаем, – сказал зазывала.

– Нужна не плата, а соответствующие данные! – прикрикнул на него продавец насекомых.

– Вас, Комоя-сан, не спрашивают, так что не вмешивайтесь.

– Как это для вас ни прискорбно, меня совершенно официально нанял капитан этого корабля.

Мне понравилось, что он так представил меня. Неужели продавец насекомых действительно на моей стороне?

– Капитан?.. Вот это да! Продает билеты на корабль – и уже капитан.

– Да, капитан. – В создавшихся обстоятельствах следовало твердо обозначить свою позицию. – Это особый корабль, и требования к экипажу предъявляются особые.

– Какими же, интересно, данными обладает Комоя-сан? – Женщина говорила с издевкой, растягивая слова. – Ой, больно!..

– Необходимыми для выполнения функций начальника штаба и одновременно телохранителя. В самом деле больно?

– Конечно больно!

В разговор вмешался зазывала и затараторил писклявым голосом:

– Вы меня удивляете. Какой из Комоя-сан телохранитель, да он в жизни с этим не справится. Если вам действительно нужна охрана, проверьте, на что способен я, очень прошу вас. И сил у меня достаточно – если нужно будет с кем-то схватиться, я не отступлю ни на шаг, буду драться до конца.

– Продолжите спор, когда включают свет. Как вам не стыдно бросить пострадавшую на произвол судьбы... больно, – захныкала женщина.

– Да, нужно поскорей зажечь свет, – поддакнул зазывала, – похоже, девочка вывихнула ногу.

В том, что он назвал ее девочкой, было нечто странное, но в то же время и целомудренное. Не исключено, конечно, что он зовет ее так всегда, но в то же время создавалось впечатление, будто они друг другу чужие. Во всяком случае, он добился того, что угасавшее во мне желание вновь вспыхнуло огнем. А вдруг он назвал ее так в расчете поймать форель на живца?

– Пальцы на ноге ничего не чувствуют – может, перелом?

– Ступеньки на этой чертовой лестнице прогнили. Я тоже спину ушиб. Вы, я вижу, собираетесь спускаться. Осторожнее, а то свалитесь и все кости переломаете.

Что ж, ладно, решил я. Обратно их теперь не выставишь, так что выполняю просьбу – включу свет. Выключатель – лучевое устройство дистанционного управления – висел у меня на брючном ремне. Я нащупал пальцем пять кнопок, расположенных одна под другой, слегка нажал на верхнюю и сдвинул ее вправо. Сразу же вспыхнули пятьдесят шесть ламп дневного света. Я проделывал это не однажды и всякий раз испытывал волнение. Бескрайнее ночное небо без звезд или крохотное пространство под натянутым на голову одеялом – в обоих случаях тьма одна и та же. Темнота сама по себе не имеет размеров. Может быть, поэтому предметы, когда их представляешь себе во мраке, как бы сжимаются, воспринимаются меньшими, чем они есть на самом деле. Люди превращаются в лилипутов, лес – в карликовую рощу. Вот почему, когда передо мной неожиданно появляется во всей своей необозримости моя каменоломня, я всякий раз испытываю шок, словно на голову обрушилась сорвавшаяся с горы огромная глыба. С точно таким же ощущением я рассматриваю стереоскопические аэрофотоснимки.

Бескрайнее голубоватое пространство. Ступенчатые, точно нарезанные ножом, огромные стены. Все в продольных и поперечных следах от электрической пилы, напоминающих следы от расчески. Стены не выглядели прямоугольными, они, казалось, искривлялись к середине, видимо, потому, что туда не доходил свет ламп. Стоило начать вглядываться в отдельные детали, как те сразу же сжимались и становились крохотными. Тридцать две металлические бочки в правом углу трюма выглядели чешуйками караса, зазывала, рассеянно смотревший в потолок, казался величиной с большой палец. Женщина, ростом с мизинец, сидела на корточках у его ног, охватив колени, и тоже блуждала взглядом по потолку. Одеты они были так же, как в универмаге. Только волосы у женщины стали короче. Похоже, это был уже не парик, а ее собственные.

– Поразительно. – У продавца насекомых, кажется, перехватило дыхание. Он стоял на лестничной площадке, прислонившись к стене – наверное, боялся высоты. – Я даже представить себе не мог, что здесь такое огромное помещение. Ничуть не меньше крытого стадиона. Пять теннисных кортов можно разместить.

– Учтите, что это лишь небольшая часть каменоломни. – Я наслаждался, видя, как поражены эти трое. – По моим самым грубым подсчетам, таких помещений здесь по меньшей мере восемнадцать. Видите вон там справа, за металлическими бочками, между опорой и стеной, узкую щель? Это проход. Он ведет в соседний трюм. Слева вверху на балконе выдолблена большая ниша. Это моя каюта, из нее тоже есть лаз в соседний трюм, – в общем, весь корабль напоминает громадные пчелиные соты...

– А это что такое? – Зазывала кивнул в сторону левой стены. Пальцем он не указал, но взгляд его был прикован к сверкавшему белизной предмету.

– Унитаз.

– Унитаз? Обычный унитаз?

– Да, но несколько другой формы, рассчитанный на большой напор воды.

– Но как можно пользоваться туалетом, если он не огорожен?

Женщина хлопнула в ладоши:

– Как здорово здесь разносится звук!

– Надо попробовать спеть, хорошо, наверное, получится. – Продавец насекомых, откинувшись назад, прислушивался к эху.

– Позвольте нам заплатить за билет. Все стоит денег. Проезд на дармовщину не в наших правилах. Давайте обсудим этот вопрос, вы назначите справедливую цену, и мы с удовольствием заплатим. – Слово колдун, зазывала похлопал три пальца и приложил их ко лбу. Потом, будто вспомнив, прибавил: – Комоя-сан, пока не забыл, вы еще не расплатились с нами за стимулирование торговли.

Сделав вид, что ничего не слышит, продавец насекомых внимательно разглядывал лестницу.

– Вроде не трухлявая, крепкая.

Я схватил его за локоть, оттащил назад.

– Осторожно, там ловушка. Спускаться нужно здесь...

Настоящая лестница стояла в глубине совершенно вертикально, и ее можно было по ошибке принять за опору. Я стал спускаться первым и тут же раскаялся, что не пропустил вперед продавца, но было уже поздно. Топая каблуками, к лестнице подскочил зазывала и, вцепившись в нее, начал раскачивать.

– Вот оно что?! Знали ведь, что опасно, а нас заранее не предупредили! По вашей милости девочка пострадала.

Положение незавидное. Он что, собирается драться? Но демонстрировать слабость нельзя.

– Я не обязан предупреждать. Виноват не я, а те, кто без всякого приглашения незаконно сюда вторгся.

Стоя на самом верхе лестницы, продавец насекомых смотрел вниз, оскалив острые крысиные зубы.

– Перестань, ссора никому пользы не принесет – ни вам, ни нам.

– Это не просто ссора. Что за слова: «никому пользы не принесет»? Неповиновение капитану равносильно бунту, – возмутился я.

– Ну зачем же вы так? – Зазывала продолжал раскачивать лестницу. – Просто я хочу помочь человеку спуститься. Достаточно того, что пострадали мы, я бы никогда не простил себе, если бы по моей вине зашибся Капитан.

Послышался шепот женщины:

– Эти стены и вправду голубые? Или только кажутся такими?

Она сидела посреди огромной каменоломни, обхватив руками поднятое колено; ее фигурка резко выделялась, как консервная банка, брошенная на зеленую траву футбольного поля. Хорошо ли, что она сидит на камнях, – ведь так можно застудить спину, подумал я.

Очень жаль, если женщина действительно повредила ногу, но до чего же призывно поднято это колено!

– В самом деле голубые. Потому-то этот камень и называют водяным. Никогда не слышали? Если его отшлифовать, он заблестит, как мрамор. Но не долговечен. Со временем высыхает и начинает крошиться.

Зазывала наконец отпустил лестницу и, отступив на три шага, застыл в выжидательной позе. Продавец насекомых, спускаясь за мной следом, окликнул женщину:

– Все в порядке? Уже не болит?

– Еще как болит.

Ноги продавца насекомых стояли уже чуть ли не у меня на голове. Оставалось три ступеньки, и я не раздумывая прыгнул вниз. Удар пронзил колени тысячью игл, я чуть было не упал, но зазывала поддержал меня. Продавец насекомых, проходя мимо, со смехом стукнул меня по плечу и направился прямо к женщине.

– Ну как, может, отвезти к врачу?

– Не надо.

– На улице стоит джип.

– Нет, это слишком сложно, – раздраженно перебил зазывала. – Подняться по лестнице, потом болтаться на веревке – ей теперь с этим не справиться.

– Я бы отнес ее на спине. Если перелом, нужно оказать помощь как можно скорее.

– Что вы чепуху мелете. – Зазывала громко хмыкнул, будто в горле у него лопнул воздушный шарик. – Разве вы сможете с человеком на спине подняться по веревке?

– Когда я служил в силах самообороны, меня учили этому. Кроме того, подниматься не нужно, нужно будет спускаться.

– Нет, подниматься! – Зазывала кричал, брызжа слюной, голос его дрожал. – Мы сюда спускались. Значит, на обратном пути нужно подниматься.

– Вы сюда спускались?

Обескураженный, продавец насекомых осуждающе взглянул на меня. Я тоже был растерян.

– Спускались? Откуда?

– Разве не ясно? С верхней дороги.

– С шоссе?

– Не знаю, с верхней дороги.

– Но там же никакой веревки нет.

– Веревка у нас была с собой. – Он нагнулся и поднял лежавшую рядом с лестницей сумку, похожую на фоторепортерскую. – В этой сумке есть все необходимое.

– Зачем это вам?

– Предусмотрительность.

– Здорово. – Продавец насекомых удивленно повертел своей огромной головой. – Вот почему им удалось избежать нападения собак.

– Но как все-таки вы сюда добрались? – не мог успокоиться я.

– Показали водителю такси план, и он нас напрямик довез.

– Водителю? – Я должен сохранять спокойствие, иначе они почувствуют мою неуверенность. – Вы совершили большую глупость. Я как знал – не хотелось мне тогда отдавать билет. Такой человек, как вы, способен свести на нет все мои усилия!

– Ну что вы делаете из мухи слона, я только показал план, вот и все.

– Это-то и плохо!

– Возмущение Капитана справедливо. – Продавец насекомых присел на корточки рядом с женщиной. – Чем меньше людей знает, тем большая доля достается каждому – это всем известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.